

Чернобыль в нашей памяти

Сборник воспоминаний участников ликвидации катастрофы на Чернобыльской АЭС и ветеранов подразделений особого риска

Калининградская областная общественная организация инвалидов «Союз “Чернобыль”» благодарит информационный портал «Клопс» за поддержку проекта. Многие из публикуемых в этой книге интервью участников ликвидации катастрофы на ЧАЭС и ветеранов подразделений особого риска впервые были опубликованы на сайте портала «Клопс»

© Калининградский областной союз инвалидов «Чернобыль», 2020

© Издательство «Калининградская Книга», 2020

Мы не понимали тогда масштабы катастрофы

Анжелика Майстер,

министр социальной политики Калининградской области

Фото: Министерство социальной политики Калининградской области

- Когда случилась авария на Чернобыльской АЭС, я училась в выпускном классе в г. Советске. Сначала информации о взрыве реактора в газетах и телевизионных новостях почти не было, но люди уже говорили о страшной беде и экологической катастрофе. Потом нас всех предупреждали, что лучше не выходить из дома, закрывать форточки... Конечно, мы даже представить не могли, насколько опасно такое «облако», какие последствия и проблемы со здоровьем ожидают тех людей, которые работали на месте аварии или проживали рядом.

Сейчас по долгу службы я часто встречаюсь с ветеранами — ликвидаторами аварии, не понаслышке знаю их проблемы и чаяния. Всем ликвидаторам и людям, подвергшимся радиационному воздействию, выдаются удостоверения государственного образца, нуждающимся в улучшении жилищных условий — сертификаты на покупку квартиры. У каждого человека — своя история, стараемся помочь каждому. Не могу не отметить мужество самих ликвидаторов и поддержку их близких, а также активность общественной организации «Чернобыль» и ее бессменного председателя Михаила Ойсбойта.

Зачем мы это сделали

Михаил Ойсбойт, председатель Калининградского областного союза «Чернобыль».

Фото: Александр Подгорчук / портал «Клопс»

— Мне всегда было трудно объяснять простые вещи. Например, зачем мы выпустили этот сборник. Ответ прост: затем, что мы там были. А ещё затем, чтобы то, что мы помним, не утонуло в массе красивых, но пустых слов, придуманных журналистами. «...Герои-чернобыльцы, ценой своих жизней спасшие человечество от большой опасности...»

Я не хочу, чтобы в этой словесной «красоте неземной» утонули наши страхи, разочарования, сбывшиеся и несбывшиеся надежды и многое другое. Я не хочу, чтобы в этом утонула правда, как мы её видим и помним.

Например, правда о том, что именно в Чернобыле родился никогда ранее не слышанный показатель «человеко-жизни». Нет, я не ошибся. Не «человеко-часы», а именно «человеко-жизни». Это звучало примерно так: «...Работа на таком-то участке обойдётся в столько-то человеко-жизней...» Всем было понятно, что работа на кровле взорвавшегося блока, где «фонило» от сотен до тысяч рентген, повлечёт если не мгновенную смерть, то смерть в обозримом будущем. В каком? Через год, полтора, десять. Тогда этого никто не знал.

Главный инженер Чернобыльской АЭС сказал: «Мы к этой аварии шли размеренным солдатским шагом». Катастрофа была как бы исторически запрограммирована. Долгое время казалось, что наши игры с мирным (и не только) атомом — это очень легко, мы знаем об этом всё, и у нас всё под контролем. Оказалось, мы сильно ошиблись...

После Чернобыля, когда рухнули запреты на «распространение информации», мы узнали об испытаниях советского атомного оружия в Семипалатинске, учениях с использованием атомных бомб на Тоцком полигоне, испытаниях на Новой земле, авариях на атомных подводных лодках. К сожалению, информационные запреты обрушились слишком поздно. И это тоже правда.

Также в этой книге мы хотим рассказать, что чувствует человек, каждый день делающий работу, которая будет стоить ему если не жизни, то здоровья. И каково это, как сказал один из ликвидаторов, «намотать свой хвост на кулак и заставить себя пойти на объект». Ломаешь себя, но идёшь. Страх — запредельный, сердце стучит где-то в горле, но идёшь. Безумству храбрых — венки со скидкой. При этом ты понимаешь, что если ты сделаешь свою работу плохо, то переделывать будешь только сам, вместо тебя никого другого не пошлют.

Когда я слышу слово «подвиг», обращённое ко мне, я улыбаюсь. Я вспоминаю детский сад на улице

Кирова в Чернобыле, где разместили нашу группу дозиметрической разведки, первого командира группы капитана первого ранга Владимира Спасенникова. И как тогда, в мае-июне 1986 года, слово «подвиг» прочно вошло в лексикон членов группы дозиметрической разведки, но под другим углом. Ставя перед нами задачи на следующий день, Спасенников говорил: «Завтра “на подвиг” идут такие-то, такие-то»... Или фраза: «Одолжи фонарь, а то завтра “на подвиг” идти, а у меня аккумулятор сел...» Тогда никто из нас не произносил слово «подвиг» серьёзно. И это тоже правда.

Хотя практически всех из нас ещё тогда представили к государственным наградам. Но в 1986 — не сбылось.

Мы хотим, чтобы наша правда о Чернобыле не забылась. Поэтому мы и выпустили эту книгу. Потому что если через десять лет никто не вспомнит, что такое чернобыльские «человеко-жизни», то мы ездили туда зря.

От автора

У нас в семье есть своя чернобыльская история. В начале мая 1986 года мне позвонили на работу и приказали срочно явиться в военкомат Ленинградского района. Сказали, что для уточнения данных в документах. Я, правоверный комсомолец, поехал. Для «уточнения данных в документах», вместе с такими же пацанами, недавно отслужившими срочную, надо было пройти медкомиссию.

Именно там врачи сказали одному из нас, что мы едем в Чернобыль. Все. Добровольцами.

На следующий день я стоял с рюкзачком за спиной в военкоматовском дворе с «коллегами» по чернобыльскому эшелону. Все были после «вчерашнего», отмечали отъезд. Как, впрочем, и я. Каким-то странным образом в последний момент выяснилось, что мне не хватило в эшелоне места. Я ушёл домой, парни, с которыми я проходил медкомиссию, уехали все.

25 лет спустя я узнал, почему мне не хватило места в эшелоне. Моя мама. Она была учительницей. Хорошей учительницей. У неё везде были бывшие ученики или их родители. Мама крайне редко пользовалась этими колоссальными связями. Но в мае 1986 года воспользовалась. Её выпускник, какой-то военкоматовский офицер, сделал так, что мне не хватило места в эшелоне. И я не уехал в Чернобыль.

Так что для меня эта книга — своего рода попытка понять. Понять, через что я должен был пройти, но не прошёл... И через что прошли те, другие, с которыми я должен был уехать, но не уехал.

Александр Адерихин, журналист, писатель

Через год после смерти Сталина и задолго до Чернобыля

В 1954 году, на Тоцком полигоне в современной Оренбургской области, в СССР прошли масштабные военные учения, во время которых была сброшена настоящая атомная бомба.

Радий Мурахвер, в то время лейтенант инженерных войск и участник тактических учений «Снежок» рассказывает, как это было.

— В 1953 году я окончил Калининградское военно-инженерное училище. Это было время Хрущёва. В армии — реформы и сокращения. Мы, выпускники, долгое время сидели в училище и ждали, когда командование примет решение, что с нами делать. В полной неизвестности мы висели между небом и землёй — училище окончили, но офицерского звания нам не присвоили. Мы «околачивали груши» примерно месяца два. После чего нам всё-таки присвоили звание «лейтенант».

Меня направили служить в посёлок Прохладное, в инженерно-сапёрный полк. Это в Кабардино-Балкарии. Оттуда я уехал в свой первый офицерский отпуск к родителям в Одесскую область. Из отпуска я возвращался в конце апреля 1954 года. У меня оставалось пять отпускных дней. Я приехал на свою станцию Прохладное, а из этого же поезда выходит мой командир батальона. Он даже мне обрадовался:

— Отлично, что приехал. Наш полк срочно выезжает в Чкалов... — Чкалов — это тогда так Оренбург назывался.

Я комбату объяснил, что у меня ещё пять дней отпуска. Он меня и отправил догуливать. А утром за мной на квартиру прибегает солдатик:

— Товарищ лейтенант! Срочно к комбату!

Пришёл. Комбат был краток:

— Вечером уезжаем. Всех из отпусков отозвали. Полк уже грузится.

Мы приехали в Тоцкое Чкаловской, сейчас Оренбургской, области. То, что у нас уже есть атомное оружие, мы знали. Его испытали на Семипалатинском полигоне в 1949 году. Но мы абсолютно не представляли, что это такое.

На полигоне я встретил многих своих однокашников по Калининградскому инженерному училищу. В Тоцкое нагнали много инженерных частей со всего Советского Союза, в том числе и Кёнигсбергскую инженерную бригаду из Московского военного округа. «Кёнигсбергская» — это её почётное наименование. Меня с моими солдатами к ней и прикомандировали. Между прочим, ротным командиром у меня был немец по национальности, Киргоф Валентин Гансович. На полигон часто приезжал маршал Жуков. Тогда он был заместителем министра обороны. Начальство боялось Жукова больше, чем огня.

Мы строили защитные сооружения, блиндажи и дзоты, в самом эпицентре будущего взрыва. Там

был нарисован огромный белый крест. Пилоты всё время тренировались, сбрасывая на него болванки. На время тренировок авиаторов нас оттуда выводили. Работы велись очень масштабные. Только наш полк переработал около 10 тысяч кубометров леса. Разумеется, во время взрыва в эпицентре людей не было, и быть не могло. Там были бараны. Сколько их там было, и что с ними стало, сказать не могу — не знаю.

Перед учениями нас ещё и учили: рассказывали, что такое излучение, через что проникает, и так далее. Я потом посмотрел учебник по физике для пятого класса. Примерно, то же самое, чему нас учили по совершенно секретным документам.

Учения назывались «Снежок». По легенде учений наступающий армейский корпус из Белоруссии должен был действовать против обороняющейся дивизии Южно-Уральского округа. Свезли очень много техники. Огневые точки, по которым должна была долбить артиллерия, авиация, а потом прямо посередине оборонительного рубежа должны были шарахнуть атомной бомбой, были укомплектованы военной техникой: автомобилями, танками, артиллерией.

Вокруг полигона было несколько населённых пунктов, деревушек пять. На время учений всех жителей выселили. Во время взрыва деревни загорелись. Их хотели тушить, но дома там деревянные, они все разом загорелись, тушить бесполезно. От деревень остались одни печные трубы. Мы потом эти деревни на новом месте отстраивали. На старом месте люди жили возле полигона — лес, речка. А на новом — голая степь.

Дома в новых посёлках мы строили по двум проектам: две комнаты и кухня, и одна комната и кухня. Со всеми надворными постройками, с хлевом для коров и так далее, но в голой степи. Рассказывали, что местному председателю колхоза сказали: или переезжаешь, или партбилет на стол. Он выбрал первое...

13 сентября 1954 года меня и ещё одного молодого капитана — взводного Юру Кириченко вызвал к себе заместитель командира по политчасти капитан Савченко. Он воевал в Великую Отечественную, нормальный мужик был. Мы сидели в кузове машины. Он нам сказал, я это хорошо помню: «Ну что, ребята, то ли будем завтра живы, то ли нет.» И мы с ним распили бутылку водки.

Перед учениями офицерам выдали «слепые» дозиметры. Посмотреть, сколько набрал радиации, ты не мог. Только через специальный прибор, который стоял где-то там.

А ещё нам выдали круглые чёрные фильтры для противогазных стёкол. Они у меня до сих пор сохранились. Сквозь них, если смотреть на солнце, то можно белое пятнышко увидеть, больше ничего. Мы с Юрием их вставили в противогазы и стояли в траншее, лицом туда, где должен был произойти взрыв. И ждали. Ждать пришлось долго. Утром был туман, и бомбардировщик с бомбой зашёл на второй круг.

Те самые защитные светофильтры. Фото: Александр Подгорчук/ портал «Клопс»

Стоим, смотрим. И вдруг — в небе шар. Он становился всё больше. Взрыв далеко, взрыва не слышно, земля не дрожит пока. Мы в километрах десяти от взрыва были. Когда этот шар в небе потух, мы противогазы сняли, стоим, разинув рты, смотрим. Это был так называемый низко-воздушный взрыв. Когда взрывная волна достигла земли, начало пониматься облако пыли. В этот момент до нас дошёл наконец звук взрыва. И ударная волна. Мы с Юрой Кириченко оба дружно оказались на дне траншеи. Я до сих пор не знаю, что нас туда сбросило: наш страх, или ударная волна. Наверное, и то, и другое. У наших солдат этих чёрных плёнок не было. Они сразу лежали в траншее лицом вниз.

Лётчики попали прямо по центру мишени. Вокруг был лес. Все деревья повалились, кроме росших в самом центре. У этих только сучки облетели.

А потом поступила команда: «Вперёд!» Мы должны были расчистить дорогу для руководства, чтобы они могли проехать на полигон и посмотреть результаты. Мы увидели смешанную колонну: танки, автомобили, которые стояли в зоне поражения. Длина колонны — примерно шестьсот метров. Таких колонн было несколько. Одна — в эпицентре, другая — на выходе, третья — ещё дальше. Кроме них, стояли ещё наши реактивные самолёты, несколько транспортных самолётов. Были специально построенные стенки — убежища. За стенками в день сброса бомбы привязали лошадей. Лошади, которых мы увидели, выжили, но ослепли. Говорят, что бараны были живы, но не знаю наверняка. Конечно, во время испытаний многие животные погибли, это точно.

У транспортных самолётов после взрыва срезало носы. Истребители из-за хорошей обтекаемости стояли внешне целые. Колонна вся сгорела. Помню танк Т-34. Обгоревший он лежал на боку, у него сорвало башню.

Командный пункт располагался на горе Медвежьей. Во время учений там было всё начальство: министр обороны СССР, министры обороны всех стран социалистического лагеря, учёные-атомщики, сам Курчатов. Мы там построили подземное убежище, но наблюдающие в него не заходили, стояли снаружи. Оттуда видно лучше. Когда взрывная волна, уже на исходе, дошла до них, то с генералов фуражки полетали, нашим солдатам пришлось потом их собирать.

После учений с нас взяли обязательство хранить военную тайну — никому не рассказывать об этих учениях 25 лет. Я молчал 25 лет. А после Чернобыльской катастрофы прочитал в газете, что «чернобыльские» льготы положены, в том числе и ветеранам подразделений особого риска, то есть нам. Я к этому времени уволился в запас. Ну и написал письмо, дошёл до Верховного совета СССР. Мне орден Мужества потом дали, в 1997. За Тоцкий полигон.

Интервью впервые было опубликовано на портале «Клопс»

После взрыва гора становилась чёрной

Полковник в отставке Валерий Кочешков, кавалер орденов «За службу Родине» и Трудового Красного знамени, лётчик-снайпер, ветеран подразделения особого риска о том, в каких условиях жили люди, создававшие «ядерный щит Родины», и как проходили испытания нового оружия.

Валерий Кочешков. Фото: Александр Подгочук/ портал «Клопс»

- На Новой Земле я служил с 1980 по 1987 год. Командовал вертолётной эскадрильей, в 1983-м меня назначили заместителем начальника отдела авиационного обеспечения.

Абсолютно всё на Новую Землю завозилось с большой земли: техника, топливо, строительные материалы, продукты, оружие, игрушки в детский сад, карандаши и тетради для школы.

В ноябре на Новой Земле уже зима. Температура доходит до -30. Ветер — 20-30 метров в секунду, на улицу не выйдешь. При таком ветре и минус 25 тебе кажется, что уже все минус пятьдесят.

Специальные приказы по гарнизону определяли, что можно, что нельзя делать при разной погоде. Всего было три варианта. О том, который за окном, передавали по радио на весь гарнизон. Вариант № 3 — можно работать, передвигаться по гарнизону, дети ходят в школу и детский сад, магазины открыты. Вариант № 2 — метель, пурга, ветер. Видимости никакой, на ногах не устоишь. Вводили ограничения перемещения по гарнизону. Ну а первый вариант — самый жёсткий. Он запрещал выход из домов совсем. Любое передвижение — только на гусеничных тягачах. Разворачивались посты живучести. Например, если случался прорыв трубопровода, отключалось электричество, где-то кончался сухой паёк или в посёлке появился белый медведь — специалисты на тягачах выезжали и ликвидировали чрезвычайную ситуацию. Гарнизон должен жить в любых условиях.

Военнослужащий на Новой Земле получал двойной оклад плюс надбавку за выслугу лет. Надбавка — не больше двести сорока рублей, в зависимости от срока службы.

Вертолёт на Новой Земле. Фото: Личный архив Валерия Кочешкова

Командирами вертолётов служили только лётчики первого класса. В основном — из гарнизонов в Донском Калининградской области и крымской Качи. Я считаю, что это была небольшая надбавка за условия, в которых мы служили, хотя средняя зарплата советского инженера в те времена составляла 120 рублей в месяц.

Вначале на Новой Земле жили исключительно военнослужащие. Потом разрешили привозить семьи. Гражданские — строители, шахтёры — прокладывали штольни в горе, куда закладывалось «изделие» — испытываемое оружие.

Секретность была самая жёсткая. Название «Новая Земля» в обиходе не употребляли. Нам не рекомендовалось говорить, где мы служим. На вопрос о месте службы мы отвечали уклончиво: «На Севере».

Советскую базу на Новой Земле официально называли «Архангельск-56». Попастъ туда можно было только на самолёте из Архангельска. И только пройдя через «режим».

Досматривалось всё: вещи в чемодане, документы. После такой проверки человеку давали специальный документ, разрешающий покупку билета. То же самое — полёт с Новой Земли. Даже камушек вывезти нельзя было. Выезд супруги военнослужащего — только с разрешения командира части и «режима».

Те, кто прилетал на Новую Землю, не могли просто так сойти с трапа самолёта. «Режим» начинал проверять их уже в салоне, и только после этого давали разрешение выйти. Не прошла «режим» — улетаешь обратно. Неважно, что супруг, с которым она не виделась год, а то и больше, уже приехал встречать в аэропорт.

Иногда в посёлок заходили белые медведи.

Фото: Личный Архив Валерия Кочешкова

На Новой Земле был сухой закон. К праздникам завозили алкоголь, получить его можно было только по талонам. Бутылку, не больше. Но если у вас есть замечания по службе от командира, то талонов вам не видать.

Далеко не в каждой части на большой земле был так организован досуг личного состава, как у нас. Во всех частях художественная самодеятельность была на самом высоком уровне. Показательные выступления, конкурсы — к этому относились очень серьёзно. Командира могли и по партийной линии спросить за плохую организацию досуга. Дом офицеров не мог вместить всех желающих, поэтому на концерт можно было попасть только по пригласительному билету.

При Доме офицеров работали самые разные кружки: танцевальные, хорового пения, литературного чтения. Часто с большой земли привозили артистов, новинки советского кино попадали в первую очередь. Уже в феврале в магазинах появлялась свежая картошка, привезённая с Кубы, а китайские яблоки продавались круглый год.

При переводе с Новой Земли офицер имел право купить машину, во время службы — дефицитные по тем временам в СССР холодильники и ковры.

Как правило, испытания проходили осенью. Для них, помимо всего прочего, нужны были особые метеорологические условия. Ветер на разных высотах должен был дуть в восточном направлении, в сторону Сибири.

В 1987 году произошёл «вырыв» — нештатная ситуация. Произошёл выход радиоактивных продуктов из горы, в которой взрывали новое «изделие». А потом ещё и ветер резко переменялся. Ситуация осложнилась ещё больше. Радиоактивную грязь потащило на Скандинавию. Была нота советскому правительству.

Во время испытаний из посёлка Северного, расположенного на полигоне, в Баренцево море на кораблях вывозили всех, кто не имел к ним непосредственного отношения. Экипажи вертолётчиков оставались на площадках у штольни. Из ядерных институтов Советского Союза приезжали учёные, из Москвы прилетала назначенная на самом высоком уровне государственная комиссия.

Во время испытаний экипажи вертолётов оставались на площадках у штольни Фото: из семейного альбома Валерия Кочешкова

В «час Ч» — взрыв ядерного «изделия» в горе. Земля дрожала и качалась секунд пять-семь. А потом белая, покрытая снегом гора, становилась чёрной — снег на ней таял, такая температура была внутри. Час ждали: нет ли «вырыва»: не вырвалась ли радиация наружу.

Сразу после испытаний велась дозиметрическая разведка на земле и в воздухе на разных высотах. Работали и самолёты, и вертолёты. Если было радиоактивное облако, то самолёт сопровождал его, пока оно не растворялось. Только после результатов дозиметрической разведки принималось решение — можно возвращаться на полигон или нет.

Я был на полигоне, когда во время испытаний случилась нештатная ситуация — «вырыв». Радиация вышла наружу, появилось радиоактивное облако всех цветов радуги. И запах сероводорода — тухлых яиц.

Была объявлена срочная эвакуация. Каждый человек на полигоне знал, на каком борте он должен вылетать в случае ЧП. Но началась суета, некоторые пытались влезть не в свой вертолёт.

В каждом вертолёте, помимо традиционных средств спасения, всегда были спальные мешки, лыжи и набор дров. Лётчики обязаны были летать с личным оружием — пистолетом Макарова.

Спальники расстилались на сиденьях. Сиденья металлические, зад мёрзнет. На мешках теплее. При проверке их на радиацию в некоторых вертолётах приборы зашкаливали. Мешки лежали там годами.

Праздник на Новой Земле. Фото: Личный архив Валерия Кочешкова

Но были и парадоксальные случаи. Как-то пилотам вертолётов с дозиметристами выдали обмундирование б/у. Они должны были сопровождать радиоактивное облако. Когда вернулись с задания, обмундирование фонило, от него надо было избавляться, что экипаж и сделал. А снабженцы потребовали вернуть выданное. Из зарплат лётчиков хотели вычесть стоимость этого обмундирования, причём в двойном размере. Только после моего обещания сообщить об этом случае в Москву снабженцы оставили лётчиков в покое.

Интервью впервые было опубликовано на портале «Клопс».

За год до Чернобыля. Их даже на кладбище нельзя было везти

Моряк-подводник Дмитрий Ивченко рассказывает об атомной аварии на подводной лодке К-431, в ликвидации которой он принимал участие.

Дмитрий Ивченко. Фото: Александр Подгорчук/ портал «Клопс»

- В 1985-м, за 11 месяцев до Чернобыля, я, тогда капитан-лейтенант, служил на Тихоокеанском флоте, командовал гидроакустической группой на атомной подводной лодке.

В августе мы были на базе, стояли в бухте Чажма. Наша лодка стояла на одном пирсе с К-431, только с другой стороны. Собственно, сама бухта — это судоремонтный завод № 30. Подводная лодка — очень сложный механизм. Его непросто эксплуатировать, много агрегатов, которые можно ремонтировать только в условиях завода, поэтому чуть ли не половину своей службы лодки проводят на ремонте.

Я на всю жизнь запомнил десятое августа 1985 года. Каждый офицер на лодке имеет кучу внештатных обязанностей. Одной из моих стало проведение политзанятий с личным составом. Они проходили в плавказарме, где жил экипаж, пока наша лодка стояла на ремонте. Плавказармы — гражданские суда, купленные в своё время у финнов. Они думали, что мы их покупаем для лесорубов.

Занятие я проводил в кубрике личного состава. В 12:04 раздался глухой хлопок. Нас приподняло и опустило на волне. Я сразу дежурного по команде отправил: иди — посмотри, что там случилось. Плавказарма стояла в ста метрах от пирса, где была К-431, а с другой стороны — наша лодка. На одной воде, что называется. Там ещё и катер был пришвартован.

Дежурный прибегает: вроде катер взорвался, там дым. Я сразу свернул занятия, повёл своих матросов тушить пожар.

Две минуты до пирса. Как только мы его увидели, поняли, что это не катер. Горела лодка. А ещё мы увидели мясо. Человеческое мясо. Оно было на пирсе везде. Я когда на пирс забежал, чуть не наступил на нос и верхнюю губу человека. Может быть, офицера с лодки. Может быть, я его даже знал. Три минуты назад это был живой человек.

До этого во время испытаний К-431 выяснилось, что в активной зоне есть течь. Лодку поставили на завод. Для ремонта надо было снять крышку реактора, чтобы посмотреть, что же туда попало и вызвало течь. А там достаточно песчинки. Температура в реакторе — 300 градусов, давление — 300 атмосфер. Как в стволе у пистолета в момент выстрела. Поэтому там никаких песчинок быть не должно.

Это технически сложно незнающему человеку объяснить. Но попробую. К крышке реактора приделаны компенсирующая решётка и поглотители — 90 вертикальных стержней. Так они опускаются в реактор, так оттуда и достаются. Снять крышку можно с помощью специального механизма. Но нужного съёмника на заводе не было, его отправили в Совгавань для ремонта другой лодки. К-431 нужно было срочно ввести в строй. Ну и морякам отдали приказ: «Срочно поднять крышку. Как? Что вы, не инженеры? Не придумаете как?» Вот они и придумали.

Рядом стояла плавамастерская, на ней — маленький кран. Вес крышки — всего-то пять тонн. Что там эти пять тонн? Приподнять да опустить.

И вот они поднимают, а крышка не идёт. Увеличивают подъёмную силу. А крышка не идёт. Видимо, металл к металлу присосался. Плавамастерская начинает клониться. И стропы тянут эту крышку уже не вертикально, а под углом.

По официальной версии, в этот момент мимо лодки, несмотря на предупреждение об ограничении скорости движения, шёл на высокой скорости катер. Дал волну и запустил реакцию. Вода в реакторе испарилась за долю секунды. Это и дало тот самый глухой хлопок, который мы услышали в кубрике. Мощность при этом выделилась бешеная. И получили мы тепловой взрыв. Пятитонная крышка улетела метров за 150. Воткнулась в дно, как крышка консервной банки. Торчала потом из воды на мели.

Когда на К-431 начался пожар, то первыми с завода сбежали сотрудники 22-й службы, отвечающие за радиоактивную безопасность. Они нас проверяли, когда мы с лодки выходили, чтобы радиоактивную грязь не выносили.

После взрыва у них все приборы вышли из строя. Завод быстро опустел. Каждый знал, что на лодке реактор взорвался. Народ бежал, раздеваясь на ходу и бросая одежду, потому что она явно активна была после ЧП. Завод стоял пустой часа четыре после взрыва. Все двери — настежь. Заходи, делай всё что хочешь.

Погибли 11 человек. Их останки захоронили в зоне, где утилизировали радиоактивные отходы. В могильнике на мысе Сысоева. Их на кладбище нельзя было везти. Из-за радиоактивности. Даже близкие на могилу прийти не могли попрощаться.

После ЧП лодку десять дней готовили к эвакуации, а потом на понтонах уволокли на базу приписки.

Тех, кто там работал, и несколько подошедших зевак просто разнесло взрывной волной. Их собирали в течение недели. Часть фрагментов тел выбросило в море. Потом «особый» отдел подсчитывал, сколько голов, сколько ног, рук. «Особисты» должны были определить, все ли пропавшие погибли «или же кто-то же.» Такое же тоже могло быть.

На место катастрофы пришёл мой экипаж, прибежали команды с других лодок. На лодке горело электрооборудование. Вскоре приехали пожарные. Но тушили сами подводники: у пожарных оказались короткие шланги, а корабельные не подошли. Разные ведомства — разный калибр шлангов, разбёмы разных диаметров.

От взрыва лопнул корпус лодки. Отсек начал заполняться водой. Её начали откачивать. Вода, понятное дело, радиоактивная. Там всё было радиоактивное. Стержни с крышки реактора раскидало во все стороны. Какие-то в море упали. Их потом вручную собрали. А как ещё?

Когда пожар затушили, я свою команду привёл в казарму и приказал всю одежду снять и сложить в кучу. И бельё тоже. И отправил всех мыться. Часть матросов сбрила на телах всё, что только можно. Понятно, что мы схватили немного — воздухом-то дышали.

Погода была плохая. Моросил дождь. Повезло. За счёт этого радиоактивность далеко не ушла, облака утащили всё в сопки, а не на посёлок.

Историю сразу засекретили. Официальная версия — взрыв аккумуляторной батареи. Но все всё знали. Наш посёлок в двадцати километрах от ближайшего населённого пункта располагался. После аварии водители автобусов отказывались здесь останавливаться. Пролетали на высокой скорости: «Ну вас к чёрту, подводники!»

Виновных не нашли. Точнее, виноваты были исполнители. А им уже ничего предъявить нельзя было, от людей один фарш остался.

Завод мыли два месяца специальным средством. Гражданским оно известно, как стиральный порошок «Новость». Его привозили грузовики-пятитонки. Одна машина в день.

Конечно, это не чернобыльская катастрофа. Никаких зон отчуждения и так далее.

Недавно в Интернете прочитал, что всего в результате аварии пострадало 290 человек. 11 погибли,

у десятерых — лучевая болезнь, у 39 — лучевая реакция. И что сегодня на месте аварии поставили памятник погибшим.

Интервью впервые было опубликовано на портале «Клопс».

Жёлтый дождь, радиоактивная собака, и «Что вы сюда приехали?!»:

Людмила Гордиенко о взрыве на АЭС и обретении новой Родины.

— В 1986 году я училась в десятом классе. Жила в интернате. Интернат находился в поселке Залесье. Он располагался в тридцати километрах от Чернобыльской станции. 26 апреля мы с учителями пошли в поход с палатками недалеко от Припяти, километров пять от станции. Ночью неожиданно стало светло. Мы подумали, что это гроза. А потом начали летать вертолёты. Много вертолётов. Мы видели, как вертолёты садились, из них выходили люди, они брали пробы земли.

Стелла на въезде в г. Припять. Фото из личного альбома Олега Васютинского, участника ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС

Пошёл дождь. Я помню, что он был жёлтым. Я не знаю, почему. Жёлтые лужи, жёлтые пузыри в них. Учителя сказали, что что-то случилось и нам надо возвращаться домой.

На следующее утро нас всех из интерната развезли по домам. Через две недели мы с младшим братом уехали вначале на станцию Посудово. Там прошли в обязательном порядке дезактивацию в специальной камере. После всем предлагали выпить сухого вина. Я выпила. Это был первый алкоголь в моей жизни. Мы поехали в белорусский Жлобин, оттуда — в Гомель, а уже из Гомеля — в Калининградскую область, в Багратионовск.

Папа остался там. Он рассказывал нам про эвакуацию. Вначале вывозили детей до пяти лет, потом — от пяти до 14 и древних стариков, потом всех остальных.

К нам домой приехали ночью, постучали в окно. Приказали всем взять все документы и быстро в автобус. Их привезли во всё то же Посудово. Всех эвакуированных заставили пройти через всю ту же дезактивационную камеру. Сегодня понятно, что вся эта «дезактивация» — как мёртвому припарка. В Посудово забрали всё, что у нас было. Все документы, вещи. Пришли люди, проверили дозиметром и забрали всё, что пикало. У родителей «пикало» всё. Очень жалко, что фотографии семейные забрали. Они тоже «пищали». Больше я их не увидела. А собака наша при проверке дозиметром «пикала» просто запредельно.

В Багратионовске у нас жила сестра. Туда мы с маленьким братом прямо с калининградского вокзала и отправилась. Потом туда приехали и родители. Папу я едва узнала — он приехал весь седой. В первые дни после аварии он работал бульдозеристом. Его работа там — снимать верхний слой земли.

Папа вспоминал, что в зоне у него осталось пятьсот литров самогона в подвале и несколько ящиков сала. Как у всех, впрочем.

В Багратионовске мы были нищими. Работы для отца не было. На работу нас не брали — боялись. Я очень жалею, что у меня не было выпускного. У всех был, а у меня — нет. Я когда экзамен в школе

сдавала, то в классе была одна. Учитель отсел от меня к другой стене, как можно дальше. Я тогда плакала: он ведь учитель, ведь должен понимать. Мне в лицо говорили про «мою радиоактивность», а за спиной такие сплетни распускали. Иногда прямо говорили: «Что вы сюда приехали?! Езжайте в свою Белоруссию или Украину, откуда вы на наши головы свалились.»

У людей информации о том, что такое радиация, не было совсем. Нас просто боялись. Я, когда в техникум поступила, с девочками на занятия на троллейбусе ездила. Утром народу — битком. Дышать тяжело, все стоят, как сельди в банке. И тогда девочки громко, на весь троллейбус, меня спрашивали: «Людка, а правда, что ты из Чернобыля?» Я отвечала: «Да, семь километров от станции жила». Вокруг нас сразу образовывалось свободное место.

В девяностом у меня родился сын. Он болел. В любой стране мира его заболевание связали бы с моим пребыванием в радиоактивной зоне. Но не в СССР. У него был псориаз. Как-то из-за этого его, четвероклассника, кондуктор выгнал из трамвая. Я потом разбиралась с этим кондуктором. Слишком эмоционально, даже милиция приезжала. Милиция кондуктора наказала.

По закону мне была положена квартира. Но это надо было ещё доказать. Я судилась с государством пять лет. Вместе с председателем калининградского союза «Чернобыль» мы пять лет ходили в суды, как на работу. Доказали. 15 лет назад меня поставили в очередь на квартиру. Точнее, восстановили. Я стояла в очереди с 1991 но меня оттуда в 1996 году выкинули. Потому что некому было заступиться. В 2004 я получила квартиру.

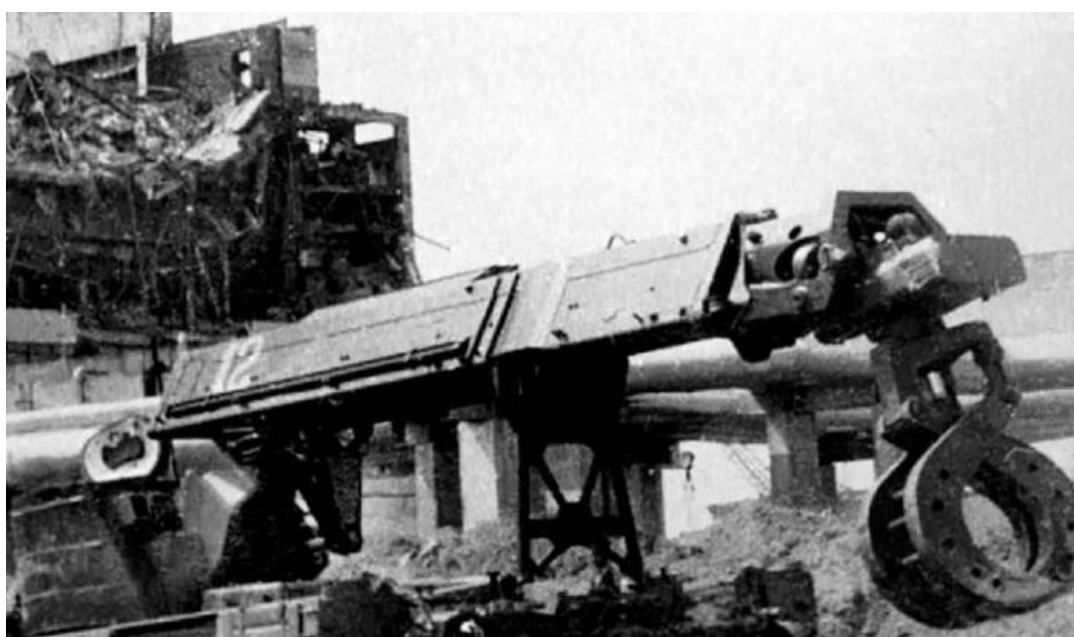
Мы въехали в обречённый город, а там — музыка кругом, окна открыты, народ веселится

Николай Wybодовский, полковник в отставке, о первых днях в Чернобыле

В 1986 году я командовал 122 мобильным отрядом. Он был создан в 1979 году, когда советский спутник с ядерной энергетической установкой на борту сошёл с орбиты и упал в Канаде. Спутник рассыпался, его фрагменты разлетелись на большое расстояние. Для того, чтобы оперативно реагировать на такие ситуации, и был создан наш отряд. Мы располагались в Шиханах. Это город в Саратовской области.

26 апреля 1986 года была суббота. Я распределил личный состав: кого в парк, технику обслуживать, кого — на хозяйственные работы. Обычная суббота должна была быть. Вдруг бежит дежурный по части офицер: «Товарищ подполковник, вас срочно вызывает по ВЧ заместитель начальника химических войск министерства обороны генерал-лейтенант Малькевич!»

Я хорошо помню, что мне сказал Малькевич по телефону ВЧ: «...Командир, случилась беда. От имени и по поручению начальника Генерального штаба, я объявляю отряду боеготовность № 1. Собирайтесь...»

Инженерная машина разграждения работает рядом с разрушенным реактором. Фото: музей Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России

Подробности я узнал потом. 26 апреля 1986 года, в час двадцать три на Чернобыльской АЭС произошёл взрыв. Его зафиксировал американский спутник, по странному стечению обстоятельств пролетавший в этот момент над станцией.

Радиоактивный выброс ушёл на северо-запад, через Белоруссию, Калининградскую область, Польшу, Швецию. Шведы первыми его и зафиксировали. У нас Горбачёв был большим любителем ничего не говорить. Ведь первое заседание политбюро на эту тему состоялось только шестого мая, первая статья в СМИ вышла в «Комсомольской правде» за третье мая...

Часть моего отряда полетела в Чернобыль на восьми самолётах военно-транспортной авиации. Остальным предоставили железнодорожные платформы. Платформы были в плачевном состоянии. Предоставляли срочно, что было, то и предоставили. Я вылетел с передовой группой. Нас встретил заместитель командира танковой дивизии Прикарпатского военного округа. Мы приехали в Припять, в горком КПСС. Там размещался штаб генерал-полковника Пикалова, начальника химических войск министерства обороны. Он сразу приказал одну разведывательную машину из моей группы, которая могла определить радиационную обстановку, поставить рядом с горкомом.

Секретность была очень высокая. Скрывали всё, что только можно было. А что секретить? Наоборот, надо было народу правду сказать.

Мою передовую группу направили в Копачи. Это три километра от станции. Утром 27 апреля начальник войск химической защиты приказал провести радиационную разведку. Чтобы получить максимально точные данные, разведку я возглавил лично. Мы и поехали на одном из БРДМов — РХБ (БРДМ — РХБ, — разведывательная химическая бронемашина). Обнаружили радиоактивные «пятна» по направлению ветра. Ситуация быстро менялась. Сегодня данные могли быть одни, а завтра — совсем другие.

30 апреля на объекте произошёл мощный второй выброс. Он достиг Тульской области. Радиация выпадала пятнами — клоками.

Местные власти, партийные и хозяйственные, знали всё. Но народ не предупредили. Мы прибыли в Припять 26 апреля в 23.30. Погода — тёплая, окна во всех домах открыты, люди на улице. В этот день в городе гуляли 16 свадеб. Припять, город энергетиков, небольшой. Все друг друга знают, все друг к другу в гости ходят. Так что можно сказать, что гулял весь город. На улице танцевали, радовались. Мы въехали в обречённый город, а там — музыка кругом, окна открыты, народ веселится.

Власти должны были предупредить, чтобы люди на улицу без нужды не выходили, окна в квартирах закрыли. Но они не предупредили. Это преступная безалаберность местных руководителей. Им надо было действовать, а они ждали указаний сверху.

Первыми на аварию прибыли пожарные. Мужественные, отважные... Но не знающие, что творится на станции. Некоторые сразу падали. Мне потом пришлось три пожарные машины просто сломать и в отстойник для грязной техники поставить. Навсегда. Не надо было там тушить. Надо было убегать оттуда. Но пожарные не знали — гражданские, что с них взять. Военные не знали, как и что делать, а эти... В первые дни целый полк гражданской обороны пришёл. Пробыл сутки и ушёл: командиры людей переоблучили. Этот полк даже сделать ничего не успел.

Работа инженерных частей министерства обороны СССР в Чернобыле. Фото: музей Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России

29 числа, через три дня после взрыва, на станцию Янов, это чуть больше километра от разрушенного энергоблока, пришёл эшелон с нашими основными силами. В Янове был мост. На нём, это в километре от Чернобыля, «светило» 70 рентген. Это много. В советские времена была установлена норма для людей, работающих с источниками ионизирующих излучений. Она составляла пять рентген. Например, работают люди в лаборатории, ремонтируют дозиметрические приборы. Вот они могут набрать пять рентген в год. На мосту в Янове за десять минут можно было поймать семь рентген. Но это ещё ничего. Я в углу машинного зала взорвавшегося энергоблока замеры производил, там этот показатель в некоторых местах достигал 2000 рентген.

Было ли мне страшно? Борис Щербина, руководитель правительственной комиссии по ликвидации последствий катастрофы, как-то приехал посмотреть наш отряд. Он не знал, что из себя представляет наша часть. Во время осмотра отряда он меня спросил: «Страшно, командир?» Я ему честно ответил: «Всем страшно, я в этом уверен... Дуракам только не страшно, но у них мозгов нет...» Но поставили задачу, надо её выполнять.

29 апреля я поехал на станцию, к главному инженеру и директору. Они тогда сидели в специальном бункере. Мне нужна была схема станции: где и какие здания, ограждения, где есть ворота, где нет, где моя техника может пройти, где нет. Схемы у них не было. Не спрашивайте, как и почему, но не было. Её потом, через три дня самолётом из Москвы привезут. Ждать три дня мы не могли. Нам надо было работать. Тогда мы сели вместе с главным инженером на его ГАЗ-69 и поехали вокруг станции. Он мне рассказывал, а я всё зарисовывал в тетрадку у себя на коленях: где ворота, где забор, где и какие цеха. Мы объехали станцию вокруг, «прокатились». Когда я вернулся в расположение, то увидел всю свою часть построенной. Перед ними выступал командующий войсками химзащиты Министерства Обороны Советского Союза. Я на всю жизнь запомнил то, что он говорил моим подчинённым: «Это праздник для химических войск! И мы будем здесь стоять вплоть до смертного исхода!»

Потом, когда встал вопрос о том, что людей надо выводить, чтобы не переоблучить, мы каждый день посылали ему донесения: столько-то военнослужащих получило такие-то дозы облучения, прошу принять меры. Меры были приняты. Меня начали щипать «особисты». Мол, слишком много моих подчинённых переоблучилось...

27 апреля, на следующий после взрыва день, я поехал по деревням в округе. Вот тут местные жители и переполошились. Стали ко мне подходить, интересоваться: «А что это, товарищ подполковник, военные тут, все в респираторах, делают? Что-то меряют, что-то проверяют? Что-то случилось?»

Я им что-то отвечал, говорил какие-то слова, но правду сказать не мог. А что мне было делать? Сказать им правду и спровоцировать панику? А потом обязательно стали бы выяснять, кто этот паникёр...

29 апреля руководство отчиталось на самый, что ни на есть «верх», самому министру обороны СССР: в этот день впервые проведена радиационная разведка разрушенного энергоблока. Разведку в таких условиях впервые в мире провели начальник химической службы ВДВ подполковник Зайцев Владимир Петрович и начальник 122 мобильного отряда подполковник Выбодовский Николай Александрович.

30 апреля начальство распорядилось перебросить наш отряд в местечко Ораное, за пределами 30 километровой зоны. Я предлагал оставить тяжёлую гусеничную технику в зоне. Что её гонять туда-сюда, лишних сорок с чем-то километров. Но меня не услышали.

Технику пришлось гнать по асфальту, полевых дорог там не было. Понятно, что во время нашего марша асфальтовая дорога сильно пострадала. И вот пришли мы на место новой дислокации. Я стал технику расставлять. Вдруг бежит дежурный: «Товарищ подполковник, вас срочно!» Получаю новый срочный приказ: «Тяжёлую технику гнать обратно, на старое место дислокации». Снова погнал колонну на старое место, за сорок километров, в Копачи. Только пришли — новый приказ: «Начать сбор фрагментов бетона, арматуры и так далее возле четвёртого энергоблока». Вместе со своей инженерной ротой выдвинулись к блоку. С командирами общались исключительно по радио, вылезти из машины невозможно, радиация кругом. Там можно было работать только в машине.

«Чернобыль восстановим!» Фото: музей Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России

Даю приказ начальнику инженерной роты: «Миша, выдвигайся». Общаемся по радио. Запустить все машины сразу туда нельзя, они бы там подавили бы всё. Только по одному работать можно было.

Миша Ширченко, командир инженерной роты, Царствие ему небесное, на своей инженерной машине разграждения валит два пролёта забора, начинает работать. Через некоторое время его надо менять. Машины на смену стояли слева от меня, в 20–25 метрах. Двигатели работают. Даю команду: «Следующий — вперёд». А никто не двигается. Люди после этих маршей туда-сюда просто заснули. Двигатели работают, а люди спят. Сзади моей группы, на разведывательной химической машине (РХМ), за всем этим наблюдает генерал, заместитель начальника химических войск. Надо было что-то делать.

Я вылез из люка, побежал к своим заснувшим орлам. Подбегаю к одному, стучу кулаком по люку механика. Тоже то еще дело. У него двигатель работает, ему только на педаль нажать, он по мне проедет спросонок и не почувствует ничего, я даже крикнуть не успею. Однако достучался. Достая бойца «за чепчик»: хоть матом, хоть кулаками, хоть ломом — буди экипаж, и вперёд, за ограждение. Ещё пара машин за забор съездили, как мы новый приказ получили: сворачиваться, потому что вертолёты будут бомбить реактор свинцом и ещё чем-то там. Та ещё глупость была. Под реактором скопилось семь тысяч литров воды.

Угроза взрыва, который снёс бы первый и второй энергоблоки, была реальна. Кстати, первый и второй блоки тогда ещё работали. Их потом заглушат. Если бы всё это рвануло, и Киеву мало бы не показалось. Воду под реактором откачали пожарными шлангами. Пробили дыру, завели шланги, и откачали в специальные отстойники.

После этой истории мне дали сутки на отдых. Я упал в солдатской палатке. Ко мне зам. по тылу вначале подошёл: «Товарищ подполковник, идите, хоть покушайте!» Я ему «отойди» так сказал, что он сразу понял: сейчас меня лучше не трогать.

На седьмой день своей командировки я вообще говорить перестал. Несмотря на то, что мы принимали калий — йод, чтобы щитовидку защитить. Не помогло. Ну я и перестал говорить. Сипишь что-то, сам не поймёшь, что. Помощник начальника штаба стоял рядом со мной, и мои приказы «транслировал», иначе никто бы меня не услышал. Я ему шептал, что мог, а он говорил.

Солдаты и сержанты за переобучение получали по 300 рублей, прапорщики — по пятьсот. Офицеры — по три оклада. Для сравнения — «Жигули» тогда стоили 4200 рублей. Потом ещё премии были.

В декабре 1986 года мне вручили Орден Красной звезды. Вызвали к начальнику гарнизона, он полез в стол достал оттуда коробочку с орденом и орденскую книжку. Протянул мне: на тебе, командир, за заслуги перед отечеством. Словно стеснялся. Полк, которым я командовал, по этому случаю строить не стали. И всё. Иди дальше Родине служить.

«Асфальт в Припяти был красным. Как от крови»

Леонид Бронфен о чернобыльских вишнях и человеческом расходном материале.

Ветеран ликвидации последствий катастрофы о нехватке людей и могильниках для новой техники.

В апреле 1986 года я служил в Клайпеде. После Афганистана я командовал инженерно-сапёрной ротой. О том, что в Чернобыле произошла катастрофа, я узнал из радиопередачи «Голоса Америки». Тогда я не думал, что всё это серьёзно и сильно коснётся меня.

«Мы не знали, и не понимали, что происходит в Чернобыле...» Леонид Бронфен (справа) позирует с сослуживцем на фоне Чернобыльской атомной станции. Фото: Личный архив Леонида Бронфена

Мы не знали и не понимали, что происходит в Чернобыле. Нам никто ничего не объяснял. У нас и разговоров особых на эту тему не было. Ну, подумаешь, авария. Сегодня есть, завтра нет.

А потом в июне 1986 года в часть пришла телефонограмма: в Каунасе формируется сводный полк Прибалтийского военного округа. Зачем, для чего — не говорилось, но всем уже было понятно. От нашей части туда должен был поехать один офицер. Отправили меня.

В Прибалтике было очень много «кадрированных» частей. Это когда законсервированная техника дивизии есть, минимум офицеров, а личного состава нет. Людей тогда не хватало, поэтому для решения каких-либо задач формировали сводные подразделения — полки и батальоны. Собирали по пять-десять человек, где могли. Это же 1986 год, афганская война ещё продолжалась. Вся Средняя Азия служила в Афгане. Так что в Чернобыль пришлось ехать военнослужащим из центральной части СССР. Солдат-срочников были единицы, в основном все — «партизаны», призванные из запаса. У нас на весь сводный полк солдат-срочников было пять человек. Остальные — «партизаны».

27 июня 1986 года мы по железной дороге прибыли в Чернобыль. Первое впечатление — ярко красный асфальт в городе. Мне показалось, что это кровь. Первая эмоция — ужас. Как потом оказалось — от вишни. Они созрели, их никто не убирал, они падали на асфальт. В городе было очень тихо, жителей к этому моменту уже выселили.

Пока полк разгружался, мы с командиром поехали искать, кому доложить о нашем прибытии.

Поехали в горком партии, который уже превратили в штаб ликвидации аварии. В горкоме люди ходили в респираторах и странной военной униформе, до этого явно долго лежавшей на армейских складах.

В штабе никто не знал, что с нами делать. Они не знали, куда девать людей. Вот мы прибыли, а что нам делать — неизвестно. Поэтому поначалу нам приказали встать лагерем. Несколько дней на это у нас ушло. Когда мы были готовы, нас. перегнали в другое место, на границу тридцатикилометровой зоны.

«...Мы искали все большие и маленькие ручейки, впадающие в реку Припять...». Леонид Бронфен (слева) в Чернобыле.

Фото: Личный архив Леонида Бронфена

Далеко не сразу, но нам привозили врачей. Они рассказывали, что можно есть, а что нельзя. Во время одной из лекций выяснилось, что грибы есть нельзя. А мы уже и собрали, и супчик из них сварили. Мы многого не знали из того, что нельзя. Например, рядом с нами машиной сбили косулю. Ну не пропадать же такому количеству мяса. Съели. А потом оказалось, что нельзя.

Я служил старшим помощником начальника штаба полка. Вёл документацию. Пофамильно записывал, кто, когда, и какие зоны посещал. Это было необходимо для начисления денежного довольствия, разные зоны — разные суммы. Ну и разные дозы облучения.

Перед полком стояла сложная задача — мы не должны были допустить попадания грязной воды из черныбыльских водоёмов в Чёрное море. Мы искали все большие и маленькие ручейки, впадающие в реку Припять. Из Карпат привозили какой-то специальный, встречающийся только там камень, впитывающий в себя радиацию, и таким образом очищающий воду. Из этого камня, привозимого к нам железнодорожными составами, мы строили дамбы. Перегородили практически всё. Это была тяжёлая работа, которую надо было сделать максимально быстро, до сезона дождей, а он вот-вот должен был начаться.

Вначале была идея спровоцировать дожди, такие технологии уже тогда существовали. А потом сделали всё с точностью до наоборот — тучи над Чернобылем стали разгонять. Над Чернобылем дождей не было. Иначе бы радиация распространилась на гораздо большую территорию.

Я часто вспоминаю могильники с техникой, набравшей радиации столько, что на ней, технически полностью исправной, работать нельзя. Огромная площадка, по границам насыпан земляной вал. Некоторые машины отмывались на пунктах дезактивации, некоторые — нет. Те, которые «не отмывались», сразу отправлялись в могильники. Навсегда.

Клуб во временном городке воинской части, переброшенной в Припять. Фото: из личного фотоальбома Олега Васютинского, участника ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС

Стелла в Припяти. Фото из личного альбома Олега Васютинского, участника ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС

На въезде в город Припятъ. Фото из личного альбома Олега Васютинского, участника ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС

Ликвидаторы мирно беседуют на фоне взорвавшегося реактора.

Фото: из личного архива Леонида Бронфена

Технику хоронили в могильниках в районе атомной станции. В каждом могильнике могли быть захоронены от сотни до двух сотен единиц техники, в том числе и абсолютно новой, только что с конвейера — и в Чернобыль.

Мы пробыли в Чернобыле четыре месяца. Нас долго не меняли, потому что не кем было менять.

Работали с утра до вечера. Личного времени было мало. Мы выезжали в, как мы их называли,

«прифронтовые» города. Книги покупали, в кино ходили. Там никаких ограничений не было: рестораны открыты, люди ходят.

Про радиацию и её последствия не то, что ничего не разъяснялось, но и информация об этом была полностью засекречена. Мои родители и жена очень волновались: в 1979 я вошёл в Афганистан, а теперь — Чернобыль. Кому это понравится?

Некоторые местные жители оставались в деревнях, некоторые возвращались из эвакуации сами. Их подкармливали ликвидаторы. Потом на границе зоны развернули столовые. Можно было поесть бесплатно практически всем желающим в любом количестве. Мы иногда ели там, а потом, вернувшись в часть, ещё и в части.

Наши военнослужащие работали и на крыше взорвавшегося реактора. Там радиоактивный графит впаялся в крышу и сильно фонил. Крышу от них надо было очистить. Я не знаю, зачем был нужен этот героизм. Потом всё равно всю станцию накрыли саркофагом. Ну лежали бы эти графитовые стержни на крыше, или на земле, они всё равно фонили. И фонят до сих пор под саркофагом. Мне кажется, что здесь сработало отношение к советским людям как к расходному материалу. Надо было же показать: мы здесь не просто так, мы героически работаем. А может быть, это связано с Западом. Выбросы на станции шли, Запад их «ловил», мы молчали или говорили «нет, опять провокация Запада, у нас всё отлично, такого быть не может...»

Это был уже самый конец нашей чернобыльской командировки. Я помню Володю Куликова, нашего парторга. Как коммунист, Володя верил, что должен показывать пример. Он был вместе с солдатами на этой чертовой крыше. Провели они там считанные секунды. С лопатами в руках, в этих свинцовых фартуках, противогазах, в которых не так много, что видно. Хорошо, что люди не свалились в дыру на крыше. А вечером Владимиру стало плохо. До ужаса плохо. У него были все признаки облучения. Поймал дозу. Он ходил на крышу два раза. Сам, добровольно. Он проболел всю свою жизнь. На него страшно смотреть было. Он уже умер.

Прекрасный город, специально построенный «для станции». Много молодёжи. Энергетики, физики, хорошо получающие. Прекрасное, по тем временам, снабжение, дают квартиры. В каком ещё советском городе молодой специалист мог получить квартиру? Надо же помнить Советский Союз: если у тебя появилась своя квартира — значит, жизнь удалась. Тогда в СССР просто взять и купить машину было практически невозможно. Право на покупку машины распределялось через профкомы. В Припяти, с его особой категорией снабжения, молодой специалист мог себе позволить купить машину. Молодые и красивые, у них всё впереди, у них всё хорошо. И вдруг всё бросить, собрать документы, деньги и уехать. Навсегда. В неизвестность...

Странно, что никто не предусмотрел такую катастрофу. Странно, что когда она случилась, никто не знал, что делать. Пожарные тушили, а так тушить было не надо. Но они этого не знали. А когда в фонящий разрушенный реактор свинец кидали? Собрали со всего Советского Союза, даже охотничью дробь из магазинов изъяли. Потом выяснилось, что от этого только хуже стало. А когда в Чернобыль вертолётчиков с Афгана пригнали? Не было других «миллиметровщиков», которые так точно могли бы сбросить груз. Вот и погнали «афганцев». Герои Советского Союза с уникальным боевым опытом, элита, работавшая прямо над реактором, прямо над дырой в крыше энергоблока. Они все умерли уже.

Когда я приехал домой, то перед дверью разделся догола. Сложил всю одежду в мешок, выкинул в мусоропровод. Чтобы не тащить чернобыльскую радиацию в дом. Так и вошёл в квартиру...

Не дай Бог, если опять повторится что-то подобное. Не дай Бог, но это повториться, к сожалению, может.

Ну и не поедет современное Интернет-поколение ценой собственного здоровья защищать свою страну. Они же видят, как государство относится к нам, как мы живём. Закон о ликвидаторах «корректирует» каждый чиновник на своём стульчике: давайте здесь сэкономим, здесь срежем... При этом опыт показывает, что судиться надо, потому что суды часто признают «чернобыльские иски». И зачем им такая жизнь нужна? Конечно, они никуда не поедут.

Не уверен, что сегодня у России есть столько ресурсов, чтобы ликвидировать подобную аварию. Представьте, сколько всё это стоило. Сегодня таких денег у страны нет.

Я сейчас сужусь с государством. По поводу чернобыльских доплат. Но я могу себе это позволить. А вот те трактористы, водители, строительные рабочие и многие другие — просто брошены. Фактически государство за их счёт выехало. За счёт людей, отношение к которым — как к расходному материалу. И они не будут судиться. Для них столкновение с бюрократической системой — жуткая проблема. На них жалко смотреть — болеют все.

«Главврач больнички отвезла детей и вернулась»: Чернобыльская трагедия глазами калининградского доктора

Виктор Вертёлкин, заслуженный врач РФ, кандидат медицинских наук, в прошлом военный доктор о своей экстренной командировке в Чернобыль в мае 1986 года.

— В апреле 1986 года я был слушателем факультета руководящего состава военно-медицинской академии. Очень хорошо помню, как 27 апреля мельком увидел по телевизору сообщение о Чернобыле. А третьего мая, в выходной, нас всех экстренно собрали в актовом зале. Рассказали о катастрофе и сообщили, что формируется академическая группа, которую экстренно перебросят туда.

Группа слушателей Военно-медицинской академии. Слева — Виктор Вертёлкин. Фото: личный архив Виктора Вертёлкина

Затем один из ведущих специалистов по радиационной патологии Михаил Иванович Емельяненко

рассказал известные, на тот момент, детали: какой реактор взорвался, какие могут быть последствия. Кафедра, где работал Емельяненко, много лет занималась атомными инцидентами на подводных лодках. Во время таких ЧП выделяется преимущественно йод-131 — изотоп йода. Уже в Чернобыле выяснится, что мы имеем дело с совсем другим изотопным составом, а значит, с другими механизмами воздействия на человеческий организм и абсолютно другими методиками лечения.

После инструктажа нам дали два часа на сборы и отпустили по домам. Семье мне не пришлось долго объяснять. А что тут объяснять? Я майор, военный врач...

Улетали с военного аэродрома в Пушкино на Ту-154 Министерства обороны, забитом военными медиками разных специальностей под завязку. Прилетели в киевский Борисполь. Нас разместили в посёлке городского типа Полесское.

2-3 мая возникла опасность второго теплового взрыва. А ещё стало ясно, что ветрами изотопный состав разносится в разные стороны и зона радиационного поражения резко расширилась. Приняли решение эвакуировать порядка 80 тысяч человек. Это была вторая массовая эвакуация из опасной зоны. Первую проводили ещё с 27 апреля в Припяти и Чернобыле.

В нашу главную задачу входил приём эвакуированных граждан. С ними было огромное количество проблем. В зоне аварии система оказания медицинской помощи сложилась гораздо позже, где-то к июню. Тогда дозиметристы составили карты заражения, появилось весьма условное понятие «30-километровая зона». Стало понятно, что где и как мы должны делать. Но в начале мая понимания было мало.

Например, в Припяти людей просто обманули. Сказали, что через три дня всё будет ликвидировано. Предложили взять только документы. Объявили, что все вернутся через три дня. Назад потом никто не вернулся, понятное дело.

Когда прилетела наша группа, уже была создана правительственная комиссия, оперативный штаб Министерства обороны. Развернули пять медико-санитарных батальонов. План командования был прост: группировка должна действовать, как в военное время: провели диагностику, поменяли полностью обмундирование, сделали дезактивацию и отправили людей на следующий этап. Но всё чётко и понятно было только в инструкциях и приказах.

Что такое медсанбат? У него нет ничего ни для радиационного контроля, ни для радиационной терапии. К нам прикомандировали лаборантов и дозиметристов с приборами ДП-5а. Меня назначили руководителем группы из 18 врачей, военных и штатских. Штатские, пять человек, приехали из Днепродзержинска и Днепропетровска. Они вообще не имели представления, что происходит и куда они едут. Кто-то приехал с тонометром, кто-то привёз пробирки для определения общего анализа крови.

Привозят к нам парализованную старушку на носилках. Валенки на ней «светятся», 470 миллирентген. Это очень много. Пытаемся объяснить и валенки отобрать, а она клюкой отбивается. А как её обработать, помыть, во что переодеть?

На людей сыпалась радиоактивная пыль. Чем больше человек контактирует с этим, тем больше проблем. Людей экстренно рассовывали. А что дальше с ними делать?

Где-то 8 мая в район рядом привезли счётчик излучения человека, сокращённо СИЧ. Эта установка даёт информацию о характере изотопов, ареале их распространения в организме. Из наших подопечных отобрали группу детей для обследования. С ними поехал капитан Сергей Бобков. Я попросил коллегу посмотреть, что там считают. Считали щитовидную железу, печень, бедро. Выяснилось, что сложный изотопный состав, с которым мы имеем дело, включает не только йод-131. И что те таблетки, которые мы принимали сами и давали людям, в общем-то бесполезны. Они частично защищали щитовидную железу только от йода-131. Например, кости сразу начинали накапливать радиоактивный стронций с периодом полураспада в несколько десятков лет.

Была масса человеческих трагедий. Беременным женщинам рекомендовали на том сроке, когда это возможно, проводить аборт. Многие категорически отказывались.

Как-то нам привезли сотрудников милиции из зоны оцепления. Тех, что стояли там несколько суток в восьмистах метрах от реактора. Они все уже имели клинику первичной лучевой реакции: слабость, изменения крови.

Инвалиды, старушки — я впервые увидел такие зобы щитовидной железы, каких не встречал за всю свою практику. Происхождение этих зобов никакого отношения к аварии не имело. И никто не знал, что с ними делать дальше. Некоторые сбежали, бросив престарелых родителей.

Эвакуированных размещали по домам, подселяли. Иногда хозяева категорически отказывались брать людей на постой. Боялись радиации. Приходилось селить в школах, клубах. Я тогда заметил:

чем беднее семья, тем она отзывчивее.

Местные жители не понимали, что происходит. Натянут на корову полиэтиленовую плёнку, замотают бурёнку с ног до головы, чтобы на кормилицу радиоактивная пыль не садилась, и отправляют на луг пастись, травку кушать. Она и кушает, собирая в себе радиацию, а молоко из-под неё вообще радиоактивный концентрат.

Как-то женщина притаскивает к нам своего мужа: вы ему расскажите, что и как это работает. А он ей: ты мне лучше антидоту дай! Антидот — это самогонка. У наших водителей в бардачке всегда лежали сало и самогонка. Водки там не было, а вот самогонки...

Накануне 9 Мая пришло распоряжение: собрать всех маленьких детей с мамами и перевезти их в санаторий в городе Пуща Водица за Киевом. Это 80 километрах от нас. Я сформировал колонну: шесть санитарных «буханок» и два микроавтобуса «РАФ». К вечеру приехали в санаторий. А их там никто не ждал и ничего к приёму не готово. Наших мамочек с детишками погрузили в те же машины и повезли назад. Представьте, что это такое: с грудничком 80 километров туда и столько же обратно.

Когда они вернулись, возле нашего пункта собралась толпа возмущённых отцов-мужей. Кричат, кулаками машут, мат-перемат. «Пусть, — орут, — китайцы придут, нас съедят, чтобы мы тут не мучились!»

Я вышел на крыльцо. Форма на мне морская. Объясняю толпе: нас сюда прислали, мы выполняем указания оперативного штаба, а теперь покажите мне ваших руководителей — парторгов, профоргов и всяких других «оргов». Таковых среди них не оказалось. «Пойдёмте, — говорю, — почитаете журнал телефонограмм. Кто нам дал распоряжение — ему вопросы и задавайте». Мужики успокоились, разошлись по домам.

Мы работали круглосуточно. Коллеги приходили поздно вечером и шли в брошенную местную больничку, где остались тяжёлые пациенты. Кто их оттуда будет вывозить, тяжёлых? Из персонала больнички осталась только главврач. У неё было трое детей. Как-то она попросила у меня разрешения ночью отвезти их в Черкассы, к родителям. Я её спросил: а вы вернётесь? Она ответила: да, вернусь. И она вернулась. Отвезла детей и вернулась.

Виктор Вертёлкин во время службы на флоте. Фото: Личный архив Виктора Вертёлкина

Пока мы несколько дней размещались в медсанбате, кормились из общеармейского пайка. А когда перебрались в посёлок, нас кормил народ. В буквальном смысле — приносили еду. Нас ничем не снабжали в первое время, неразбериха была страшная.

Самый главный метод дезактивации — это мытьё. Ну вот помыли мы пожилого человека, отобрали у него одежду. А дальше с ним что? Во что переодеть, чем кормить, где взять бельё, куда его девать вообще? Ничего не понятно было. Но население к нам относилось с большим уважением.

Май 1986 года был прохладный, температура ночью доходила до — 3–5 градусов. Вначале мы жили в палатках медсанбата. В батальоне были «партизаны» — военнослужащие, призванные из запаса. Установили нам печку-буржуйку. Мы и спали вокруг, головой к печке. Голове было жарко, а ногам холодно. Не сон, а мучение. Тогда мы самовольно заняли помещение поликлиники при участковой больничке. Взяли матрасы и постелили на полу. Так и жили. В какой-то момент казалось — не выдержим физически.

За 13 дней командировки мы обработали около восьми тысяч человек. Для военного времени разработаны специальные удобные карточки. Туда оперативно заносится диагноз и другая необходимая врачу информация, больной с этой карточкой путешествует по лечебным учреждениям. У нас такие карточки были, мы предложили их использовать. Но начальство нам сказала: нет, берёте тетрадку, разлиновываете и вписываете туда всё что нужно. В результате все эти наши дозиметрические замеры и анализы оказались никому не нужны.

Через 13 дней нас отправили в Ленинград. Как только мы вышли из самолёта, его сразу заполнили другие медики. Мы, люди опытные, сразу с себя всё снимали, в целлофановый пакет и в мусоропровод.

В академии нас осмотрели. У меня резко упали лейкоциты в крови. Из-за радиации или стресса — я не знаю. Да какая мне разница? В июне 1986-го нас выпустили. И забыли.

Примерно в девяносто шестом чиновники начали искать возможность как-то — как бы это назвать. — ликвидировать ликвидаторов. Получить статус теперь можно только по предъявлении командировочного предписания с отметкой. Срок хранения этого документа — два года. Мы предоставляем в военкомат ответ из отдела кадров о том, что наши командировочные предписания уничтожены за истечением срока хранения. А нам говорят: ну и что? Нет командировочных — свободны.

Встреча калининградцев — участников ликвидации катастрофы на Чернобыльской АЭС возле памятника ликвидаторам на Гвардейском проспекте в Калининграде. 26 апреля 2017 год.

Фото: Калининградский областной Союз «Чернобыль»

У нас имелись выписки из приказов, что нас туда направляли. Ну и что, — отвечают, — докажите, что вы там были. Может, вы по дороге отстали. Как мы могли отстать? Из самолёта выпрыгнуть?

Командировочное предписание выдавалось на начальника факультета и на группу. Ну кто бы стал за три часа выписывать документ каждому из 140 человек?

Много лет спустя пришлось ещё раз столкнуться с радионуклидами из Чернобыля. На расстоянии 240 км от реактора в Белоруссии — самая пострадавшая территория — в городе Быхове располагался военный аэродром Балтийского флота. Там базировались тяжёлые ракетноносцы. Аэродром пришлось закрыть из-за мощного загрязнения территории изотопами цезия, стронция и плутония.

Имеется огромное количество публикаций по теме радиофобии. Полярные мнения. По мнению некоторых авторов, можно приравнять участие в ликвидации аварии на ЧАЭС к санаторному лечению. Да, даже такое есть.

Многие мои товарищи по Чернобылю ушли из жизни в очень молодом возрасте. Сегодня трудно доказать связь между полученным заболеванием и пребыванием в “зоне”. Сколько судебных тяжб...

Раньше список заболеваний, связанных с пребыванием в Чернобыле, был огромным. Чего только туда не входило. А потом его быстро сократили, на сегодня оставили пять нозологий.

В 2018 году у меня возникла проблема с кровью. По статистике, такие поражения появляются спустя 20 лет после контакта с радионуклидами.

В Чернобыле всё было засекречено, фотографировать запрещалось. Когда мы вернулись в академию, с нас взяли расписку о неразглашении. Помню, как мы в Киеве нелегально ходили Крещатик смотреть — нам и это не рекомендовали, чтобы не усиливать панику. Не до фото нам там было. Единственный чернобыльский снимок был у моего коллеги, военного врача Юрия Романова. Я очень хотел его получить. Но Юра умер. Фотография пропала.

Интервью впервые было опубликовано на портале «Клопс»

Мёртвая зона: генерал-майор милиции Владимир Попов — о Чернобыле, калининградских курсантах, мародёрах и волках

В 1986 году я служил заместителем начальника Калининградской средней школы милиции. 1 мая мы с женой и двумя маленькими детьми уехали на природу, отдохнуть. Вернулись вечером. У меня сильно чесалось тело.

Радио мы все любили тогда слушать. Покрутили ручки настройки. По БиБиСи сказали, что в Чернобыле произошёл взрыв и что в Норвегии зафиксирован радиоактивный след, в том числе прошедший и через Калининградскую область. А как ещё он мог пройти?

Мой дядя Николай Николаевич Попов работал начальником смены на Чернобыльской АЭС. Я в тот же день позвонил ему. Он сказал: «Володя, случилась беда. И беда большая. Больше ничего не могу сказать, но имейте в виду...».

Как только власти СССР объявили о чернобыльской катастрофе, личный состав нашей школы милиции начали готовить к командировке. Говорили, что нас могут туда отправить для охраны общественного порядка в зонах отселения и 30-километровой. Рассказывали, как правильно проходить дезактивацию, дегазацию, как важна ежедневная санитарная обработка.

Группа курсантов Калининградской средней школы милиции в Чернобыле. Фото: музей Калининградского филиала Санкт-Петербургского юридического университета МВД России

В октябре 1987 года в Калининградской школе милиции сформировали сводный батальон: 27 офицеров, 168 курсантов второго курса и две сотрудницы вольнонаёмного медперсонала. Отказников не было. Нам пришлось столкнуться с другой проблемой: люди обижались, что их в командировку не взяли. Одна девчонка-курсантка так начальство достала, что вырвала направление в Чернобыль, поехала медикам помогать.

Тогда такой патриотизм был — люди ехали спасать свою страну.

В Чернобыль я поехал за семь дней до прибытия личного состава. Надо было подготовить базу для батальона. Нас разместили в Белоруссии, там, где радиоактивный язык перепрыгнул через Припять. Зону уже обнесли колючей проволокой. Вот за ней-то мы и жили.

В Чернобыле я почувствовал все те симптомы, которые первый раз испытал первого мая 1986-го ещё в Калининграде: сухость во рту, першение в горле, зуд и другие.

К этому моменту из заражённых районов всех выселили. Оставленные населённые пункты охраняли несколько белорусских милиционеров. Другими словами, никто ничего не охранял.

Под будущую базу я облюбовал школу в одном из районных центров. Столовая затоплена, воды по щиколотку, женщины работали в сапогах. Кочегарка не работает, тепла нет. Год здание простояло в таком состоянии, никто не думал, что школа ещё кому-то понадобится. Туалет — выгребная яма.

Загаженный. Я приказал его сразу бульдозером снести и новый построить. Ну и так далее.

В поселковой водонапорной башне не было воды — насос сломался. Договорился с двумя местными мастерами. Они в мёртвой зоне с такой же башни сняли насос и нам поставили. И взяли за работу всего ничего — литр спирта. Мы эту башню сразу включили в режиме промывки. Часов сорок вода постоянно шла, прежде чем мы начали её использовать для своих нужд.

Потом сделали баню. Курсанты называли её «баней Карбышева». В ней была горячая вода, а вот сама баня не отапливалась. Всё оборудование было украдено до нас, батареи не грелись вообще никак. А уже начались морозы. Под горячей водой ещё ничего, чуть шаг в сторону — сосульки появляются. Курсанты, которые приходили со смены, мылись каждый день. Это обязательно. И никто не заболел.

Света в посёлке не было. Я нашёл неработающую подстанцию. Ребята-курсанты сами туда залезли, подключили провода и осветили одну улицу.

Рядом с посёлком был могильник, там стояли машины, набравшие радиации больше, чем положено. Мы оттуда брали запчасти на ремонт своего автотранспорта.

Виктор Сыроватко, сегодня полковник милиции в отставке, в 1987 году в Чернобыле командовал продовольственной службой калининградского отряда. Рабочий день у него начинался в шесть утра. Каждое утро надо было преодолеть триста метров до пищеблока. Это расстояние Виктор проезжал исключительно на машине. Волки съели в округе всех собак и забегали прямо в посёлок, пешком было опасно. Мы собрали заборы в брошенных домах, огородили ими весь населённый пункт. Волки перестали заходить.

Группа сотрудников и курсантов Калининградской средней школы милиции во время своей «чернобыльской» командировки.

Фото: музей Калининградского филиала Санкт-Петербургского юридического университета МВД России

Виктор каждый день вынужден был ездить за продуктами на всю группировку, на военнослужащих, милиционеров, гражданских. То, что не использовали в день завоза, на следующий день употреблять категорически запрещалось. Из-за радиации. Неиспользованные продукты выбрасывались.

Наш отряд должен был перекрывать территорию более 300 километров. Батальон разделили на два отряда.

Мы получили спецодежду — униформу, которую зекам давали, а также тёплые бушлаты и обувь. А вот дозиметры нам не дали. Сказали — нельзя. Мы вначале по общему дозиметру, стоявшему у нас, пытались посчитать, сколько курсанты получают радиации в день. Но приехал милицейский полковник из белорусского МВД. Он снял наш дозиметр, потому что «сведения засекречены».

Нашей главной задачей там, в Чернобыле, было предотвратить вывоз заражённого имущества.

Грабители и мародёры стали серьёзной проблемой.

Людей вывезли, а имущество осталось. Магазины, колхозное имущество, техника, трактора. Всё было оставлено в зоне. Мародёры — в основном местные ребята, знавшие, где что можно взять. В домах шубы висели в шкафах, телевизоры стояли, в магазинах всё целое. Мародёры даже батареи срывали. Металл вывозили. Вёсь. Его на пунктах вторчермета охотно принимали. Да что там говорить: за пределами зоны даже бутылки принимали. Кому, знаете ли, катастрофа, а кому — мать родная.

У нас стояли посты, где всё это изымалось. Патрули нашего отряда также объезжали населённые пункты. За каждым автопатрулём закреплено восемь-десять деревень на территории до 50 километров. За пешим — одна-две деревни от пятисот до тысячи дворов в каждой.

Есть статистика: за месяц командировки наши курсанты задержали 761 гражданина за попытку проникновения в охраняемую зону, 257 человек — за то, что они находились в охраняемой зоне. Заколочено 1 288 открытых домов и 2 240 разбитых окон.

Проблема была в том, что награбленное ими не имело никакой цены, а статью «Мародёрство» в Уголовном кодексе уже отменили. Поэтому у мародёров награбленное изымалось, а сами они штрафовались. Мы их задерживали, сдавали в местные отделы милиции, а что там с ними потом будет — нас это меньше всего интересовало.

Вторая наша задача — не пускать в зону местных жителей. Они начали возвращаться, в основном старики. Их эвакуировали, но там что-то не получилось, и они начали потихоньку просачиваться назад, к себе домой. Поговоришь с такой бабушкой и понимаешь, что ей идти больше некуда. Я помню такую пожилую пару. Она мне говорит: «Сынок, мы с дедом приехали. Вон наше кладбище. У нас там все лежат. И мы будем здесь до конца доживать...»

Мы везли им хлеб, тушёнку. С местной милицией пытались говорить, но те отвечали: а куда мы их заберём, где мы их поселим?

Граница шла по дороге: с одной стороны зона, а с другой — скот пасётся. Иногда местные картошку выкапывали в зоне, перетаскивали на другую сторону дороги. Кушать же надо что-то.

Курсанты в командировке не пили. 10 ноября — День милиции. Как не отметить? Вечерком потихому собрались, немного выпили. И всё. Тогда в школы милиции принимали только после службы в армии. Так что все взрослые ребята. А вот водителями у нас были местные милиционеры-белорусы. Я их сразу поселил в отдельное помещение. Сказал: увижу кого пьяным — будет плохо.

Местные, конечно, знали, где у кого что лежит. Мы видели много разграбленных домов. Но вот приехали калининградские курсанты — и всё, в зону прорваться стало гораздо сложнее. Одно дело, когда местный милиционер на посту стоит. С ним можно договориться: «Вася, я к себе съезжу, ну и тебе завезу».

Мы, когда начали свою территорию в порядок приводить, сотни трёхлитровых пустых банок находили. Местные жители эти банки в землю закапывали. Тогда гнать самогон нельзя было никак, и местные в бывших партизанских землянках наладили производство. И тут приехали курсанты Калининградской средней школы милиции. Для местных самогонщиков — беда, сопоставимая с Чернобылем. Район закрыли по полной программе. Местные понимали, что имеют дело с хорошо организованным подразделением: они столько полковников и подполковников в своей жизни не видели. Но никаких конфликтов с местными жителями не было. Мы потом курсантов даже на дискотеки в сёла отпускали.

Перед Днём Октябрьской революции пришёл приказ — к празднику привести в порядок все памятники в нашей части мёртвой зоны. Памятников там было много — партизанам, военнослужащим Красной Армии. Мы это сделали. И цветы на памятники возложили. Мы даже там помнили об их подвиге.

В Чернобыле меня так скрутило, что я упал. Что-то с поджелудочной. В пяти километрах от нас развернули военный госпиталь. Вот я туда и поехал. Там военврачи, полковники, подполковники. Спрашивают: за что вас в зоне держат?

В госпитале подтвердилось сильное воспаление, панкреатит. Врачи сказали, что мне повезло. Они вчера солдатику разрезали, думали, что аппендицит, а оказалось — поджелудочная. Благодаря этому солдатику медики знали, что со мной делать, и резать меня не стали. Многие из них были там после Афганистана, других горячих точек. Знаете, те, кто прошёл войну — это совсем другие люди. У них своё представление о том, что хорошо и что плохо, что правильно, а что неправильно. И эти представления не всегда совпадали с должностными инструкциями.

Они мне тогда сказали: по-хорошему, надо тебе отсюда уезжать, но если ты сейчас уедешь, ты умрёшь. Мы тебя полечим, хотя права на это не имеем никакого, поскольку ведомства у нас с тобой

разные. Но у тебя не будет амбулаторной карты. У тебя вообще ни одной бумажечки не будет, ни одного документа об этом.

«Место для дезактивации» — фотография на память о командировке.

Фото: музей Калининградского филиала Санкт-Петербургского юридического университета МВД России

У них были все необходимые лекарства: индийские, американские. Нам тогда все помогали. Я ездил к врачам каждые четыре часа. 20 дней меня кормили только приготовленной на пару пищей.

У врачей ко мне была только одна просьба — никому не говорить, что они меня лечили. Тьфу-тьфу, у меня до сегодняшнего дня никаких признаков этого заболевания нет.

Никто не знает, сколько мы там набрали радиации. Связь заболеваний ликвидаторов с Чернобылем старались не устанавливать. У меня первый криз случился через шесть месяцев после Чернобыля. Гипертония. Радиация бьёт по самым уязвимым местам. Где тонко, там и рвётся.

После возвращения из Чернобыля первым из калининградской команды умер Борис Лешуков. Полковник, заместитель начальника нашей школы милиции. В Чернобыле служил замполитом. 46 лет ему было.

Потом ушёл водитель-инструктор, старшина Евгений Мартынов. И в первом, и во втором случае связь с Чернобылем медицинская комиссия не установила.

Другой наш водитель, Александр Степенко, прошёл все суды. Последний вынес решение, признав связь заболевания с Чернобылем. После суда Александр сел в машину и поехал домой. Умер по дороге. За рулём.

Калининградская школа милиции приехала в Чернобыль одной из первых. За нами должны были привезти другие школы. В Чернобыле я сказал начальству: зачем мы будем молодых людей гробить? Дайте мне колючей проволоки километров десять, мы её натянем в два ряда под сигнализацией. И будем охранять периметр. Тогда это не разрешили. А потом всё равно так и сделали. Потом — это через десять лет..

Интервью впервые было опубликовано на портале «Клопс»

«От этих дублёнок у людей выпадали волосы»

Владимир Черноокый, в 1986 году лейтенант милиции, о пяти тысячах выстрелов из пистолета ПМ, вражеских голосах и радиоактивных «Жигулях»

— В апреле 1986 года я, лейтенант милиции, преподавал в Калининградской средней школе милиции. У меня был очень модный автомобиль — «Жигули-шестёрка». Экспортный вариант, шины «Гудьир». Вот на нём-то мы с семьёй 27 апреля 1986 года и поехали отдыхать на Голубые озёра. Сыну было полгодика тогда. Вода — ещё холодная, а температура воздуха — 26 градусов. Мы остались там на несколько дней.

Владимир Черноокый на встрече с коллегами-ликвидаторами в 2017 году: За тех, кого с нами уже нет... Фото: Калининградский областной союз «Чернобыль».

Всё у нас было прекрасно с этим отдыхом. Я — бывший комсомольский работник. Это не мешало мне слушать «вражеские голоса»: «Радио Свобода», «Голос Америки» и другие... 29 апреля я тоже покрутил ручку радиоприёмника. Там говорили о радиоактивном следе, дошедшем до Норвегии. И что этот след прошёл через Калининградскую область. По радио говорили об Украине — след пошёл оттуда.

Я позвонил знакомым в Киев. Они мне сказали, что что-то происходит, они не могут сказать, что именно. И из Киева люди бегут «в разные стороны». По голосу своих знакомых я понял, что они знают, что происходит, но не могут сказать по телефону. Вот тогда-то я и понял, что происходит что-то очень серьёзное, и что, как говорится, «палец уже в одном месте...»

Весной 1987 года преподавательскому составу нашей школы милиции сказали: «Готовьтесь, скоро поедем. В Чернобыле — мародёры, надо обеспечить там порядок».

В армии, во время срочной службы, я стрелял только из автомата. Моё табельное оружие в школе милиции — пистолет Макарова. Я из него и не стрелял почти. Перед чернобыльской командировкой я каждый день в обед ходил в тир. За несколько дней сделал пять тысяч выстрелов.

Каждый, кто ехал, писал заявление с просьбой добровольно отправить его в Чернобыль. Были сотрудники, которые понимали, что всё это гораздо серьёзней, чем нам говорят. Они заявления писать отказались, и не поехали.

Когда супруга узнала, что я еду в Чернобыль на 36 дней, то она купила мне 36 пар носков, 36 трусов, столько же маек. Я должен был менять их каждый день. Вначале я думал использованное бельё сжигать, но оказалось, что их сжигать категорически нельзя, только закапывать. Мы многого не знали, из того, что можно, а что нельзя. Правильней сказать, ничего не знали.

Перед поездкой я позвонил своим друзьям в Центральный комитет комсомола. Они пообещали поддержку, сказали, что отряду предоставят тушёнку, консервированную красную рыбу, минеральную воду «Боржоми» и так далее. Не обманули.

Моя сестра работала на Калининградском ликёро-водочном заводе. Я сразу ей заказал шесть декалитров спирта. Когда наш отряд прибыл в Чернобыль, в посёлок Наровлю, каждый курсант получил по фляжке этого спирта. Им они должны были промывать железы.

Мы приехали туда в конце октября 1987 года. Я отвечал за снабжение отряда. Там уже был Владимир Попов, майор из нашей школы — командир другого отряда. Я с ним при встрече здороваюсь, а он сипит мне в ответ, ничего не понятно, что он сказать хочет. Разобрал только: «Это не водка холодная, это эта херня.» Вот тут я и понял, куда приехал, и насколько это всё серьёзно. Мне мои друзья в ЦК комсомола всё рассказали. Когда мы приехали, я своим сразу сказал: «Не прикасаться к местной воде, не смей...»

Душевая у нас была на улице. Нет, из неё шла тёплая вода, но в октябре на Украине уже холодно. Я всё равно мылся каждый день. Та ещё «процедура закаливания».

А ещё я нарушал закон. У меня был водитель, Валентин, курсант школы. Он в 42 года умер. Как-то мы с ним заехали в деревеньку, видим там забитый досками сельский магазин. Мы его взломали и изъяли из него 152 ящика с красным вином. Раздали личному составу. Каждому по бутылке вина и бутылке «Боржоми». Красное вино — не просто так, оно выводит радиацию.

С водой там была серьёзная проблема. Местную воду пить нельзя, она заражена. При этом из-за воздействия радиации всё время хочется пить. И как только зайдёшь в зону, где такие большие жёлтые пятна образовались, сразу начинаешь сипеть. Выпьешь 15–20 граммов, и вроде как сипение проходит.

Как-то едем мы с Валентином, царствие ему небесное, ночью в зоне. ГАЗ-52 у нас машина была, абсолютно новая. Валентин с автоматом, я с пистолетом. И вдруг видим впереди джип, у него фары — даже на крыше. Мы думали, мародёры. Он автомат поставил на боевой, патрон в патронник загнал, я пистолетик тоже перезарядил, за пояс засунул. По динамику приказали остановиться. Выхожу из машины, вижу, что перед нами роскошный иностранный джип, я таки даже в кино не видел. Выходят какие-то узкоглазые мужчины, по-русски совсем не говорящие. Показывают мне пропуск, разрешающий проезд везде и всюду. С ними переводчик. Я этих переводчиков за версту вижу, явно из КГБ человек. Оказалось, японцы с комиссией приехали, проверяют. У нас дозиметров не было. Выдавали накопители, такую маленькую штучку, в нагрудном кармане носили. Она хитро устроена была, по ней ты не можешь посмотреть, сколько ты набрал радиации. У нас их потом забрали. А у японцев стоял здоровый прибор. Спрашиваю, как вы с ним работаете? Они мне отвечают: вы водички попейте. Попил. У меня водичка всегда с собой была. Поболтали пару минут. А потом они мне какую-то штуку из своего прибора протягивают, и говорят: А теперь, пожалуйста, вы на эту штуку попишите. Женщин рядом не было, я пописал. Наш прибор показывал, что у меня пять то ли рентген, то ли бэр. А по японскому прибору, там, где пять, уже оказалось 25. Вот так нас и меряли. Мы с Валеём приехали домой, и не 16 граммов спирта выпили на каждую «железу», а по 30. Не знаю, как нам это помогло. Никто из нас, кто там был, не знает, сколько радиации он получил.

До этого я никогда не пил спирт, никогда не пил водку. Вино, шампанское, на праздники — да, но крепкие напитки — нет.

Мародёры покупали машину в зоне отчуждения за пятьсот рублей, перегоняли в зону отселения. Там уже эта машина стоила 2500, а когда её перегоняли из зоны отселения дальше, её цена возрастала до пяти тысяч. Эти машины уходили в Грузию и Армению, где их продавали за 15 тысяч. Некоторые местные милиционеры продавались, делали на этих перегонах неплохие деньги. А ещё были чернобыльские дублёнки. Их тоже продавали.

«...Начало мёртвого города... Вид на ЧАЭС...» Фото из личного альбома Олега Васютинского, участника ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС

В СССР дублёнка — сверхпрестижнейшая одежда. Правда, после полугода ношения такой дублёнки у людей волосы начинали выпадать. Почему нас туда и послали. Калининградский отряд милиции сильно боялись, мы им здорово мешали. Я лично видел, как наши притащили несколько задержанных кавказцев, но в основном мародёрничали местные. Я знаю, что были случаи, когда курсантам приходилось применять оружие, я сам слышал выстрелы. Мародёры пытались наших курсантов напугать, им пришлось стрелять. Подробностей не знаю, я другим занимался, чтобы курсант был накормлен-напоен.

В 1995 году я получил Орден Мужества. Через 17 лет после командировки. Все, кто был в Чернобыле, получили награды. Я мотался по всем зонам. Однажды, уже в ноябре, мы проезжали мимо саркофага над разрушенным энергоблоком. Потрогал стену, а она тёплая.

Мой сын окончил юрфак. Как-то его спросили, помнит ли он, как я уезжал в Чернобыль. Ему полтора года было, а он рассказал в деталях, как мама плакала, когда я уезжал. Его спросили, если сейчас что-то случится, поедет он или нет? Он ответил: я видел, как батя после этого с государством судился. Доказывал. Не доказал. Триста судов прошло. Нет, не пойду. Да и никто не поедет...

Мы ехали с закрытыми глазами

Владимир Воронов, во времена чернобыльской катастрофы — курсант Калининградской средней школы милиции, о танцах, радиоактивных книгах и бордовой крови.

- В 1986 году я был курсантом Калининградской средней школы милиции. О катастрофе там, в Чернобыле, мы узнали примерно через неделю, после того, как всё это случилось. Я был в своём родном посёлке Ушаково Гурьевского района. У нас там работала фельдшер, совсем ещё девчонка. Она нам и рассказала, что случился взрыв. Ещё она сказала тогда, что всем надо делать «сеточки» из йода. Нарисовать йодом такую сетку на горле, например. От радиации это не сильно помогает.

А потом в посёлок приехал из Припяти мой двоюродный брат. Он там жил до аварии. Он мне тогда сказал: «Ну что, готовься». Я не думал, что мне придётся туда поехать.

В октябре 1987 года в школе милиции состоялось собрание в актовом зале. Собрали всех курсантов, 240 человек. Начальник школы, генерал Дунаев, нам сообщил: через неделю сводный отряд Калининградской средней школы милиции отправляется в Чернобыль — выполнять задание партии и правительства, и что все мы добровольцы. Но были и отказники. У нас человека четыре ехать отказались. В школе учились люди из Калининграда, Брянска, Смоленска. Ну и — «сборная СССР»: Азербайджан, Кабардино-Балкарская ССР, Армения, Дагестан, Чечено-Ингушетия, и так далее.

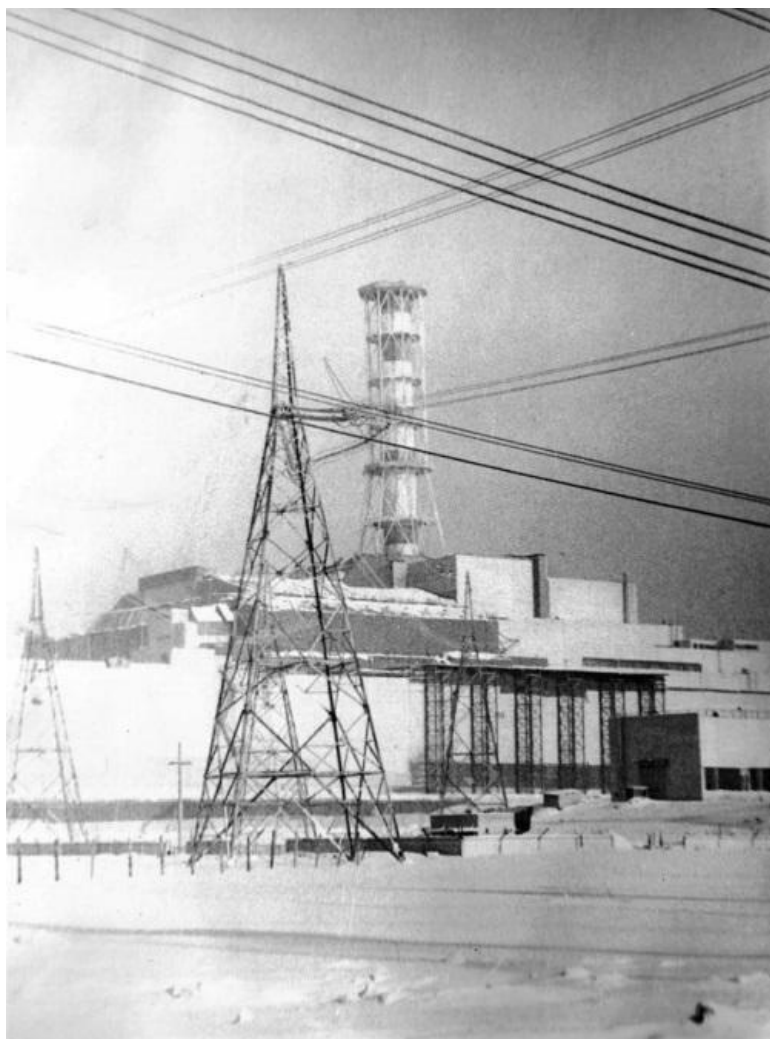
Конечно, уезжая, я поговорил с мамой. Рассказал ей, куда я еду. Она внешне очень спокойна была. Но я-то знаю. Когда я срочную в Афганистане служил, она в посёлке на почте работала. И вот как-то разбирает она письма и вдруг видит на её имя официальное письмо от командования воинской части. Она на почте в голос плакала. Думала, что похоронка на меня. Долго она это письмо открыть не решалась. Девчонки на почте сами открыли, а там — благодарственное письмо от командования моей части. За то, что она меня хорошо воспитала.

О том, что такое радиация, что можно в зоне делать, а что нельзя, что происходит в Чернобыле, никто ничего не знал. Мы ехали с закрытыми глазами. Нас посадили в поезд «Калининград — Гомель», в Гомеле перегрузили в автобусы. Нас разбили на две группы. Группу, в которую я попал, отправили в Бабчинский район, вторая уехала в Ровно. В Бабчино мы жили в школе. Условия —

спартанские. Железная койка — вот и вся «мебель». Десять человек в одном, когда-то бывшем школьным классе.

Зато была баня. Когда нас туда первый раз завели, из труб холодная вода потекла. На улице — октябрь. Курсанты стали возмущаться. Тогда руководство что-то там отремонтировало. Воду, которую теперь там подавали, горячей назвать было трудно, но мыться можно.

Когда мы приехали, то вокруг здания школы и в самой школе положили специальные деревянные настилы. Начальство сказал — ходить только по ним. Шаг вправо, шаг влево — опасно. В столовую можно было ходить только по этим настилам. Но соблюдать эти правила и передвигаться только по этим настилам — очень трудно, чтобы не сказать невозможно. Поэтому скоро все стали ходить хаотично, как полукит. Там же на себе опасность не чувствуешь, всё, как всегда. Ты не знаешь, ловишь ты дозу, не ловишь, наступил ты в «радиацию», не наступил...

Чернобыльская АЭС. Над взорвавшимся реактором уже сооружён объект «Укрытие», больше известный как саркофаг. Фото из личного альбома Олега Васютинского, участника ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС

Нашим командиром был Валерий Алексеевич Феськов, майор. Мы обеспечивали правопорядок. Дежурили вначале сутки через сутки, а потом — по 12 часов. Мы были в зоне отчуждения. В зоне нашей ответственности — несколько деревень. Основная наша задача — пресечение мародёрства, пожарная безопасность и так далее. Мародёрство мы пресекали на корню. С нашим появлением в зоне мародёрство стало редким случаем.

«...Пусть атом будет работником, а не солдатом...». Лозунг на крыше когда-то жилого дома в г. Припять. Фото из личного альбома Олега Васютинского, участника ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС

Уже было холодно, поэтому во время дежурства в деревнях мы устраивали «пункт обогрева». Мы занимали любой дом. Чтобы в «пункте обогрева» меньше фонило, выливали на пол ведро воды. Радиоактивный фон замерялся дозиметром ДП-5. И вдруг один раз приезжает международная комиссия. У них был очень маленький дозиметр, не то, что у нас. Они зашли в наш «пункт обогрева». Глаза у них стали круглыми: «Как вы здесь находитесь? Здесь же уровень радиоактивности повышенный в два раза! Ищите другое место!» А наш дозиметр ничего, нормально всё показал. Но на всякий случай мы быстренько перебазировались в другое место.

В нашей зоне ответственности была деревня Савичево. Она была разделена дорогой. С одной стороны деревни выпала радиация, с другой — нет. Там, где радиации не было, жили люди. Но весь свой скот они пасли там, где радиация была. Каждое утро перегоняли через дорогу, а вечером загоняли обратно. Мало того, что скот в себе радиацию накапливал в мясе и молоке, так ещё и людям через дорогу таскал.

А сколько случаев, когда люди отказывались из своих деревень уезжать! В основном — старики и старухи. Говоришь им: «Нельзя здесь, уезжать надо!» А они отвечают: «Никуда мы не поедem, здесь наш дом». И оставались. Одни на всю деревню. Мы и ликвидаторы им продукты привозили. А что делать? Не бросать же так.

Деревни стояли пустыми. Ты заходишь в дом, а там всё осталось. Мы очень много там читали. Заходишь в квартиру в какой-нибудь деревне, книги — на любой вкус. Я предпочитал «Роман-газету», был такой журнал. Некоторые магазины были разграблены, некоторые стояли целыми. Заходишь в магазин — а там прилавки ломаются: соки стоят в банках, консервы, в некоторых магазинах — алкоголь. Трогать всё это было нельзя.

В нашей школе проживала пожилая женщина, научный сотрудник из Белоруссии. Раз в неделю она ездила на станцию, собирала «лютики — цветочки». Она нам прямо сказала: «Ребята, у меня стоит бидон самогонки. Ничего в магазинах и деревнях не берите, надо выпить — приходите, я вас всегда угощу...» Она нам лекции читала, что можно брать, что нельзя. Рыбу нельзя было ловить, грибы собирать... Много чего нельзя было... А речка рядом протекает, и рыбы в ней — хоть руками лови.

Как-то мы с приятелем поехали в Припять. Специально посмотреть на четвёртый энергоблок. Издалека. Впечатление было то ещё. Там очень хотелось пить. И уровень радиации был очень высокий. Ребята сказали: «Ну его, хорош, разворачивайся, экскурсия окончена».

Как-то нас отпустили на танцы в одну из деревень. Поехали, разумеется, в форме, гражданской одежды у нас не было. Приезжаем, а местная молодёжь — в панике. Они же все там самогонку гнали и пили, и всё у них с этим хорошо было, а тут вдруг целый автобус ментов в деревню

прикатил. Испугались, что сейчас начнём самогон изымать, самогонщиков арестовывать, ну и вообще — порядок наводить. Потом они поняли, что к чему, с некоторыми мы даже подружились.

Снабжали нас очень хорошо. Блины со сметаной — хоть каждый день. Меню было изумительное, большой выбор блюд. Мы все там здорово поправились, килограмм на пять каждый. Готовили нам вольнонаёмные женщины.

У нас в группе был дозиметрист. Он каждый день дозиметром ДП-5 измерял каждого, и записывал уровень его облучения в журнал. Когда вернулись в Калининград, пошли сдавать кровь. У нас у всех кровь была бордовой, а не красной. По возвращении нам не дали времени восстановиться, отдохнуть. Только приехали — на следующий день на занятия. В Чернобыле я пробыл 32 дня. О нас даже в «Комсомольской правде» написали. Статья называлась «32 дня возле реактора».

Думаешь, они живы? Гарантирую, что нет

Председатель калининградского союза «Чернобыль» Михаил Ойсбойт о том, как на месте катастрофы работали дозиметристы

30 ноября 1986 года государственная комиссия при правительстве Советского Союза подписала акт о завершении работ по строительству «объекта укрытия». Речь идёт о саркофаге над четвёртым реактором. Саркофаг — не просто бетонный короб.

Михаил Ойсбойт на митинге памяти возле памятника ликвидаторам последствий атомных катастроф.

Фото: Александр Подгорчук / портал «Клопс»

Это сложное техническое сооружение со своей системой вентиляции, контроля и так далее. А ещё это некоторая психологическая точка в истории Чернобыльской катастрофы. Под саркофагом осталась гигантская «слоновья нога», спёкшийся конгломерат — ядерное топливо, бетон, графит, металл и ещё бог знает что. Всё это сильно фонит и будет фонить ещё долго. Но уже под саркофагом. Если бы не «объект укрытия», то радиация стабильно разносилась бы ветром.

В начале 2000 года мы заказали в нашем университете исследование с целью выяснить, есть ли связь между тем, в какой сезон ликвидатор работал на станции, и статистикой заболеваний чернобыльцев. Оказалось, что ликвидаторы, работавшие на станции зимой, получали диагнозы гораздо реже, чем те, кто работал летом. Дело в том, что основная причина болезней ликвидаторов — это не внешнее облучение, а внутреннее. Те самые заражённые микрочастицы, которые попадают в организм человека с дыханием, водой и пищей. И которые разлетелись бы по всей европейской части, если бы не саркофаг. Под ним осталась лежать вся радиоактивная таблица Менделеева, чего там только нет. Помимо стронция и цезия, там кюрий, америций, плутоний и всякая другая радиоактивная фигня.

Конечно, я помню, как уезжал в Чернобыль. По образованию я биолог и военный химик, работал в научно-исследовательском секторе нынешнего Калининградского технического университета. Так что понимал, что в Чернобыле происходит, иллюзий не испытывал.

Я уезжал в аэропорт Храброво на автобусе с Южного вокзала. Отец опоздал меня проводить. Он прибежал на автовокзал, когда мой автобус уже тронулся. Какое-то время отец бежал рядом с автобусом и что-то пытался показать мне жестами. Потом я спросил его, что он тогда мне показывал. Оказалось — чтобы я берёгся от радиации. До сих пор не понимаю, как можно жестами показать слово радиация.

Я попал в группу специальной дозиметрической разведки при правительственной комиссии. Нас собирали по всей стране. В Чернобыле группу разместили в детском садике на улице Кирова. На стенах милые зайчики с медвежатами и белочками, висит стенгазета «Для вас, батьки!» В газете — фотографии тех малышей, которые ещё в апреле ходили в этот детский сад. Игрушки сложены в уголке, детские деревянные шкафчики. Мы в них свою обувь ставили.

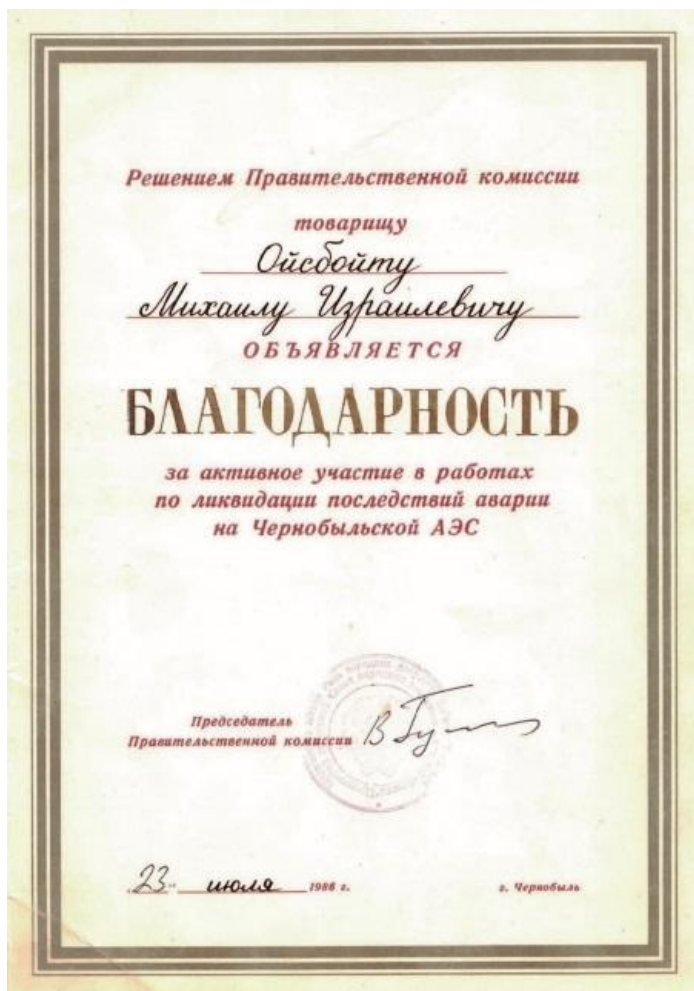

«Хорошая была школа»... Фото из личного альбома Олега Васютинского, участника ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС

В туалете низкие детские унитазы. С сортирами в Чернобыле вообще была проблема. Народу нагнали много, а сортиров — мало. И не в любой сунешься. Да и вообще. На станции хрен даже по нужде достать боязно. Были случаи, когда профессионалы экстра-класса по нужде хватались там у себя «грязными» руками. К вечеру то, за что они хватались, разносило до невероятных пределов. Через пару дней отпускало. Домой с таким не отправляли.

Многие вещи, которые мы делаем, не задумываясь в условиях радиационного заражения, превращаются в сложный и нудный ритуал. Есть, пить, справлять естественные надобности, дышать, снимать и надевать обувь и одежду, сидеть, спать, готовить пищу, курить — всё надо делать с соблюдением строгих правил безопасности.

Я приехал в Чернобыль в начале июня. Жара стояла страшная, пыль кругом. Поэтому на работу наша группа отправлялась в пять часов утра. Возвращались «по выполнению боевой задачи».

К дозиметристам на станции было особое отношение. Не подвезти голосующего на дороге дозиметриста считалось дурным тоном. За такую бестактность могли и в морду дать. Мы ведь буквально шли впереди. Идут люди на работу, а впереди — дозиметрист, не знающий дороги. Проводник идёт за ним, показывая из-за его спины, куда надо идти. Дозиметристы знали, на чём можно сидеть, что можно пить, куда можно ходить, а куда лучше не надо.

Нашей группой командовал Владимир Спасенников, капитан первого ранга, бывший командир атомной подводной лодки. Порядок в группе — флотский. Влажная уборка — два раза в день. Должность, звание, награды, достижения, и другие регалии никакой роли не играли, полы мыли все по очереди.

Чистота была культом. Хотя все и так понимали: придёшь к месту ночлега в грязной обуви или одежде — плохо будет всем, от радиации потом фиг избавишься. На несколько миллирентген одеяла фонили у всех, но это не тот ужас, который был у солдат в палатках.

Зато нас прекрасно кормили. Икра красная, балык осетрины, в столовой блюда — как в лучших киевских ресторанах. Сок, питьевая вода — в любых количествах. У нас работали поварихи-девчонки. Старшей двадцать, младшей шестнадцать. Их забрали из ПТУ города Славянска Донецкой области. Пригрозили исключением из комсомола и из училища. Какая, их послала в Чернобыль, я не знаю. Кого они, эти девчонки, нарожали потом?

Дозиметрист нёс личную ответственность. Все его действия заносились в специальный журнал, дозиметрист ставил там свою подпись. И если кто-то на «безопасной» территории ловил облучение, то в первую очередь начинали разбираться с дозиметристом.

Вход в один из исследуемых нами объектов закрывал висящий купол парашюта. Мы называли его пологом. Так и говорили: «Уходим за полог». Мы работали в специальных пластиковых костюмах и таких же бахилах. Они защищают от радиации лучше, чем общевойсковые защитные комплекты. Как-то приходим к пологу, а этих самых костюмов нет. Без защиты я группу «за полог» не пустил. Сидим, ждём. Прибегает неизвестный нам начальник: «Прекратить! Вы срываете задание правительственной комиссии! Под трибунал захотели?!»

Группа дозиметристов во время ликвидации последствий катастрофы. Михаил Ойсбойт — второй слева в верхнем ряду.

Фото: личный архив Михаила Ойсбойта

Ругаюсь я с этим начальником. А на нём, представляете, поверх хэбэшки тот самый защитный пластиковый костюм, которого для нас нет. Я уже совсем на эмоции перешёл. Заявил, что правительственное задание срывает тот, кто не обеспечил группу защитными костюмами. Поорали на меня, поорали и. принесли защиту. Мы пошли «за полог».

В нашей группе спецдозразведки служило 18 человек. Сегодня живы пятеро.

На станции мы переодевались два раза в день. Полностью, во всю чистое, включая бельё. Старую одежду уничтожали, выдавали новую. В этом отношении у тебя своей одежды не было. А вот с обувью — проблемы. Если обувь не по ноге или не разносилась — много ты не наработаешь. Нам как-то привезли спецобувь. Кардену, конечно, такое и не снилось, ноги в кровь сбивали мгновенно. Особенно с боков, там, где косточка. Мы вырезали «борты» в этих ботинках, так и ходили.

Настоящая охота шла за «брезентухами». Это такая обувь на прорезиненной подошве. Лёгкие, удобные. Даже когда они были загрязнены, мы старались их не сдавать. Почистишь как-нибудь и... Уже не смотришь, что башмак заражён, работать надо...

Самой распространённой шуткой в Чернобыле была шутка про свинцовые трусы. Снабженцы уже ругаться перестали, когда к ним приходил вновь прибывший ликвидатор и требовал себе свинцовые трусы. Якобы всем дают, а ему не дали. Мы развлекались этим в столовой, в очереди на обед. Как правило, мы стояли всей группой. Ну и начинали разговор. Про свинцовые трусы, разумеется. Что их надо обязательно срочно получить. Тем более, что вчера прямо из Минуглепрома привезли новую экспериментальную партию замечательных свинцовых трусов. Но выдают только по блату и большому начальству.

А большое начальство за нами в очереди и стоит. Стоим, разговариваем. Вдруг из очереди выскакивает какой-то товарищ и бегом на склад, шерсть на загривке дыбом. Ага, сработало! Добро пожаловать в Чернобыль, старичок!

Большинство людей в Чернобыле ничего не знало о радиации. Особенно те, кто был призван из запаса, так называемые «партизаны». Что это такое, как это действует, почему это опасно. Страх — где надо и где не надо. Лично моё устойчивое мнение: основные наши потери в Чернобыле и после — из-за этого непонимания и, как следствие, — из-за пренебрежения средствами индивидуальной защиты. Из тех радионуклидов, которые вследствие пренебрежительного отношения и незнания элементарного попали в организм человека.

На машинном дворе станции были уложены бетонные плиты. Как-то захожу я туда и вижу: прямо на этих плитах с голым торсом загорают «партизаны», какие-то военные строители — водители,

призванные из запаса. Я их своей властью и матом погнал с этих плит, они от меня спрятались в автобусе. Начальницей у них женщина была, главный инженер чего-то там. Я её спрашиваю: вы что, не понимаете?! А она мне: а что не так?

Знаешь, сколько из этих загорающих сегодня выжило? Я тебе гарантирую: никто из них не выжил. Никто...

У ликвидаторов не было какого-то временного срока, который они должны были отработать на станции, прежде чем поехать домой. Зато была доза облучения, при которой тебя отправляли обратно. При составлении плана завтрашних работ учитывался уровень пойманной тобой радиации. Мало набрал — значит, завтра пойдёшь туда, где наберёшь много. Много набрал — пойдёшь туда, где наберёшь поменьше. Или вообще в детском садике останешься, полы мыть.

23 июня 1986 года меня направили под самый реактор. Водород — газ без цвета, вкуса и запаха. При определённых условиях он превращается в гремучий газ. Водород не может почувствовать ни один человек. За исключением подводников. Эти не знаю чем, но водород чувствуют. У них на водород сторожевая точка в мозгу. Вот и наш дозиметрист, недавно уволившийся в запас мичман Северного флота, что-то такое почувствовал. И меня направили его предположения проверить. У нас это называлось «сходить на подвиг». Мне пришлось идти в аккумуляторный отсек. С момента аварии туда не ступала нога человека. Это всё прямо под реактором. Руку поднял — пощупал основание.

Кубометр гремучего газа по силе взрыва равен килограмму тротила. Если б в аккумуляторном отсеке был гремучий газ, то его взрывная сила равнялась бы семидесяти килограммам тротила. Взрыв мог произойти от чего угодно, от любой искры, от упавшего на пол гаечного ключа, задетого ногой куска металла. Я зашёл в помещение, проверил спецприбором газового анализа. Мичман оказался прав — водород в помещении был, но до гремучего газа было ещё далеко.

В этот день, 23 июня, мне исполнилось 33. Когда я заходил в помещение аккумуляторного отсека, то подумал, что если газ в помещении всё-таки есть, то у меня на могильной плите в дате рождения и смерти будет стоять одно число — 23 июня. А что, красиво.

В наших пропусках на право въезда в закрытую зону стоял лаконичный штампик «Всюду». Мы могли ходить везде. Свои пропуска мы называли «пропусками в женскую баню»: если нам можно всюду, то почему для женской бани должны делать исключение?

В Чернобыле я пробыл чуть больше месяца. В конце этого срока у меня пошла кровь из носа, появилась тошнота, слабость, другие симптомы. Меня отправили домой. По журналам учёта подсчитали, что моя доза внешнего облучения составляет 78,6 бэра. В Чернобыле с 25 бэрами отправляли домой.

Думаю, в Калининграде я если не рекордсмен по уровню облучения, то один из рекордсменов. Другой вопрос — кому они нужны, такие рекорды?

Интервью впервые было опубликовано на портале «Клопс»

Члены Калининградского союза «Чернобыль» на кладбище военно-мемориального комплекса, на могиле товарища. Фото: Калининградский областной союз «Чернобыль»

«...Мы хоронили целые деревни...»

Владимир Логвинович о похороненных деревнях, периоде распада и белых грибах, которые якобы не впитывают радиацию

В 1989 я в звании майора служил на военной кафедре Ташкентского политехнического института, преподавал инженерную подготовку.

Я не должен был ехать в Чернобыль. От нас поехал другой сотрудник. Получил командировочные и поехал. А в дороге ему вдруг стало плохо, врачи сняли его с поезда. Я уверен, что он. схитрил, скажем так. Вместо него в срочном порядке в Чернобыль направили меня. Я приехал туда в сентябре. Кругом сады, яблоки, груши, черешня. Ветки гнутся, а всё это изобилие не то, что есть, трогать нельзя. Из-за радиации, разумеется.

Владимир Логвинович на встрече с друзьями — ликвидаторами возле памятника на Гвардейском проспекте в Калининграде.

Фото: Калининградский союз «Чернобыль»

В Чернобыле я служил заместителем начальника отдела оперативной группы Гражданской обороны СССР. Поэтому побывал везде. Мы жили в самом Чернобыле, в шикарной трёхкомнатной квартире вчетвером. Рядом с нами располагался кинотеатр «Сталкер». Штаб группы располагался в бывшем райкоме партии. Рядом с «нашей» квартирой жили сотрудники курчатовского института. Они грибы собирали, сушили, и в Москву с собой возили. Они утверждали, что белые грибы радиацию не впитывают. Не знаю, не пробовал.

Фотография на память на фоне объекта «Укрытие».

Фото: личный архив Владимира Логвиновича

Мы хоронили целые деревни. В буквальном смысле. Приезжала техника, выкапывала котлован. Потом все дома деревни, все хозяйственные постройки, всё, сносилось и закапывалось в вырытом нами могильнике. Также в могильниках хоронили всё, что оставалось «грязного» в домах.

Могильник — это не просто вырытая яма, это целое инженерное сооружение. Вырывали котлован, стены обкладывали целлофаном, и так далее. Тут целая технология. Когда могильник заполнялся, его сверху обваливали грунтом. Есть подсчёты, что мои подчинённые вывезли 400 тонн радиоактивного мусора, «грязных» вещей из домов и тому подобного. Период распада радиоактивных элементов, «похороненных» нами в могильниках — от 37 до 240 лет.

Другая наша «точка» — сам «Объект укрытия», саркофаг над взорвавшимся реактором. Там работали два полка, один — химзащиты, второй — инженерный. «Срочников», военнослужащих срочной службы, там было мало. Личный состав в основном — «партизаны», призванные из запаса. Серьёзные мужики. Это был уже тот период, когда в Чернобыль старались брать тех, кому за тридцать, и у кого есть двое детей. Но это старались, а в реальности — как получится.

Первое, что тебе давали в Чернобыле — это накопитель. Маленькое устройство с тремя таблетками.

По нему потом высчитывали, сколько радиации ты получил. Люди работали по «улитке». Это такая схема, по которой определяли, сколько времени, на каком объекте человек может проработать, чтобы не «поймать» сильное облучение. На некоторых объектах военнослужащий поработал 45 минут, и всё — марш в расположение части. А на некоторых — одну лопату бросил и свободен весь день, больше нельзя.

По окончании работы все, офицеры, солдаты, гражданские шли в баню. Каждый день и в обязательном порядке.

Ликвидатор. Фото: личный архив Владимира Логвиновича

У всех у нас была минеральная вода — Боржоми, Ессентуки. Сколько хочешь, столько и берёшь. А ещё нас снабжали советской пепси-колой. У меня в кабинете всегда стоял ящик боржоми и ящик пепси-колы. Кормили нас очень хорошо. Приходишь в столовую, отдаёшь свой талон, а дальше — советский «шведский стол», салатов можешь взять сколько угодно. Официально в зоне был сухой закон. Алкоголь — под запретом. А не официально. Конечно, привозили, конечно, выпивали..

В «нашей» чернобыльской квартире стояло три цветных телевизора. По тем временам — запредельная роскошь. Иногда мы смотрели их сразу все: по одному — футбол, по второму — фильм, по третьему — новости.

Ликвидаторы у могилы павших в Великую отечественную войну солдат Красной армии. Фото: из личного архива Владимира Логвиновича

В апреле 1986 года, перед майскими праздниками и перед самой катастрофой, в Чернобыль, который по меркам Советского Союза снабжался очень хорошо, завезли массу дефицитных товаров: машины, телевизоры, холодильники, мебель, шубы. Когда реактор бабахнул, всё это осталось на складах. Склады никто не охранял. Понятное дело, что потихоньку всё это быстро «освоили». Все машины оказались на Кавказе, цветные телевизоры и холодильники тоже «уехали» из зоны.

Участники ликвидации последствий аварии на ЧАЭС фотографируются на фоне памятника жертвам атомных катастроф в городе Гусеве Калининградской области.

Фото: Калининградский областной союз «Чернобыль»

В 1989 году в зону вернулось 200 местных жителей, ранее отселённых. В основном это были пожилые люди. Конечно, это было нарушение. Конечно, их надо было выдворять за пределы зоны, но... Во всём виновата наша безалаберность. Вернувшиеся рассказывали, что им на новом месте построили дома, которые через год начали просто разваливаться. Жить в них было нельзя. И куда им деваться? Вот они и вернулись. На них просто махнули рукой. Мы привозили им продукты.

Я прослужил в Чернобыле три месяца. Перед отъездом мне выплатили три моих зарплаты. Когда вернулся — ещё две...

«Собак расстреливали, прежде чем мы входили в деревню»

Замполит Владимир Зеленков об «умерших» электронных часах и прибалтийских «партизанах»

— В апреле 1986 года я служил замполитом, заместителем командира гвардейского отдельного сапёрного батальона по политической части. Мы дислоцировались на Дальнем Востоке. Когда появились первые сообщения об аварии на Чернобыльской атомной станции, среди личного состава пошли разговоры, что эта авария — чуть ли не вторая Хиросима. Информации было мало, а вот слухов.

С Дальнего Востока меня перевели в Калининградскую область, в город Светлогорск. А в августе 1989 года я получил телеграмму, подписанную Председателем Совета министров СССР Владимиром Рыжковым. Мне приказывали срочно прибыть в город Чернобыль по указанному в телеграмме адресу.

Подразделение, в котором я в Чернобыле служил замполитом, насчитывало 800 человек. Солдат срочной службы у нас не было, все — «партизаны», мужики, призванные из запаса из Прибалтики. Русские, литовцы, латыши, эстонцы и другие национальности. Наша часть располагалась в восьми километрах от самой станции. Сразу по прибытии мне выдали накопитель — прибор, показывающий

сколько радиации ты набрал.

Первое впечатление первого дня: утром встал — ощущение приторно сладкого во рту и сильная жажда. Такие ощущения были практически у всех.

Мы располагались в деревне, где в одном из домов когда-то останавливался Батка Махно. Вот такая история. Я ничуть не преувеличиваю, но там была клубника, каждая ягода размером с кулак. А ещё картошка, один клубень которой с трудом входил в ведро. И никаких пчёл, никаких птиц.

Деревни стояли брошенные. У нас в такой деревне жил дед. Ему уже за восемьдесят было. Некуда ему ехать. Никого у человека не было: ни родственников, ни друзей. Он к нам приходил за продуктами. Так и жил.

С продуктами у нас всё было в порядке. Спецпитание, жаловаться не на что. А минеральную воду вообще КАМАЗами привозили, хоть залейся.

Было ли страшно? Да, конечно. Её же, эту заразу — радиацию не видно. Всё вроде, как всегда. У меня были электронные часы, из Афганистана привезли. В Чернобыле они «умерли» моментально. Просто дисплей стал белым, и всё.

Когда на станции выбрасывалось очередное радиоактивное облако, его сопровождал вертолёт. Он «вёл» облако, пока оно не оседало. Поэтому мы всегда знали, на какой населённый пункт это самое радиоактивное облако «село». Тогда мы входили в эту деревню, снимали грунт и кровли домов. Снятый мусор укладывали в специальные пакеты, а их, в свою очередь, хоронили в могильниках. Объём снятого грунта зависел от размеров облака, от ветра и так далее. Иногда приходилось снимать сто квадратных метров грунта, иногда — полкилометра.

Когда людей в срочном порядке выселяли из этих деревень, чтобы не «сеять панику», им сказали, что через несколько дней они вернутся обратно. В деревнях люди оставили своих собак. Но обратно жители уже не вернулись. Собаки были одичавшие, злые и голодные. Собак расстреливали, прежде чем мы входили в деревню. Иначе работать невозможно. Расстрелом собак занималось не наше подразделение, была целая команда, в задачу которой входил отстрел животных: собак, лис, лосей... всех.

Мои прибалтийские «партизаны» работали очень хорошо. За всё время моей чернобыльской командировки не было ни одного случая отказа прибалтийских «партизан» от выполнения поставленной задачи. И ни одного чрезвычайного происшествия, связанного с личным составом.

Как сейчас говорят, нас мотивировали работать хорошо. Например, помимо различных денежных выплат, участник ликвидации аварии по возвращению домой мог поставить себе домашний телефон или купить холодильник без очереди. Наверное, надо объяснить тем молодым людям, которые это читают: в СССР царил дефицит, и просто купить домашний телефон или холодильник было невозможно.

А вот в Чернобыле эта дефицитная бытовая техника — на каждом шагу. Цветные телевизоры ставили, где только места хватало. Например, в нашей комнате, где жили три человека, их стояло три. А как же иначе: три человека в комнате, каждому не угодишь, и каждый смотрел свою программу.

А ещё, в обязательном порядке — баня каждый день. Выходишь из бани, бросаешь в пакет старую одежду, получаешь новую. Пакет со старой одеждой запаивался и утилизировался. Каждый день у тебя новая одежда. Нательное и постельное бельё — тоже.

Моим прибалтам присылали по сто и больше посылок в неделю. На грузовике приходилось на почту ездить, чтобы привезти. Хорошо помню, что им присылали: замечательное литовское сало и копчёности. Ну и алкоголь. Но за всё время моей чернобыльской командировки — никто ни разу не напился. Очень дисциплинированный народ...

Фото из личного альбома Владимира Зеленкова

Владимир Зеленков (второй справа) и прибалтийские «партизаны». 1989 год

«...Солдат срочной службы у нас не было, все — «партизаны», мужики, призванные из запаса из Прибалтики. Русские, литовцы, латыши, эстонцы и другие национальности.»

Один из черновыльских контрольно-пропускных пунктов

«...А ещё, в обязательном порядке — баня каждый день. Выходишь из бани, бросаешь в пакет старую одежду, получаешь новую. Пакет со старой одеждой запаивался и утилизировался.»

«В Чернобыль часто приезжали известные артисты, поддержать ликвидаторов»

Были ли страшно? Да, конечно. Её же, эту заразу, радиацию, не видно. Всё вроде, как всегда. Ликвидатор позирует на фоне станции

«...За всё время моей чернобыльской командировки не было ни одного случая отказа прибалтийских «партизан» от выполнения поставленной задачи.»

Наша часть располагалась в восьми километрах от самой станции

«... Подразделение, в котором я в Чернобыле служил замполитом, насчитывало 800 человек. Солдат срочной службы у нас не было, все — «партизаны», мужики, призванные из запаса из Прибалтики.»

Друзья ликвидаторы

«...Я не знал, что скоро мне самому придётся там побывать»

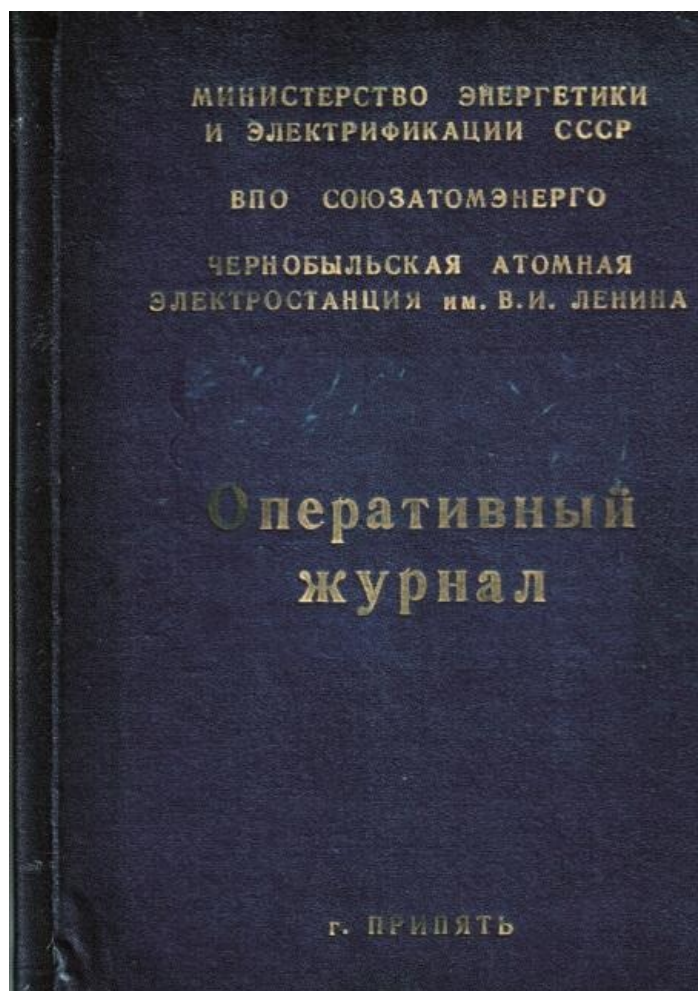
Анатолий Гапонов о «методе тыка» и об экономии, которая очень дорого обошлась.

— В 1986 году я служил в Афганистане, главным советником северо-западной группы войск. Мы располагались в Герате. Там я и узнал из радиосообщения, что на Чернобыльской АЭС случилась катастрофа. Конечно, было жалко, что это произошло, что погибли люди... Тогда я не знал, что мне самому скоро придётся там побывать.

После Афганистана я учился в Академии Гражданской обороны, затем служил заместителем командующего Прибалтийским военным округом в чине генерал-майора. А в январе 1987 меня направили в Чернобыль.

Я возглавлял группу, которая занималась дезактивацией самой станции. В Чернобыле я проработал полтора месяца. Вернулся, но через год меня снова направили туда. На сей раз — на три месяца. Я командовал воинскими частями, занимающимися дезактивацией загрязнённой местности.

Мало кто знал, что такое радиация и как от неё защищаться. Если в Афганистане мы видели врага, то здесь враг был невидимым. Что не мешало ему косить людей. Как только военнослужащий набирал пять бэр, солдат или офицер — неважно, его тут же меняли.

Местных жителей мы почти не видели. Их вывезли сразу. Кое-где в деревнях они оставались, прятались. В основном это были пожилые люди, не желающие уезжать из родного дома, от могил своих предков, от своего хозяйства.

Да, мародёры были. Как и везде, в любой стране. Где какое-нибудь наводнение или авария, всегда есть мародёры. Чернобыль исключением не был. Их отлавливала милиция. Она же охраняла населённые пункты. Но там уже охранять нечего было. Всё, что можно, вывезли в первые месяцы.

Дорожная техника снимает верхний слой заражённого грунта

Саркофаг

Мы работали в тяжёлых условиях. Кроме химзащиты, общевойсковых защитных костюмов (ОЗК), у нас ничего не было. Надо сказать, что химзащита от радиации практически не защищает. А кто знал? Тем не менее, ОЗК носили. Особенно те, кто занимался дезактивацией. Военнослужащие, работавшие на станции, там, где сильно фонило, иногда надевали бронированные фартуки из свинца. Но и они мало помогали. Помимо радиации, была ещё одна неприятная вещь. Это отношение к нам директора станции и сотрудников его администрации. Они считали, что мы виноваты во всём и обязаны оперативно ликвидировать все последствия их аварии.

Машина химической разведки на улицах Припяти

На станции каждый день в 18.00 проводилось совещание. Подводились итоги прошедшего дня, ставились задачи на следующий. Главный инженер станции часто выступал на этих совещаниях с критикой: «Солдаты опять ничего не сделали...»

Как-то я не выдержал, спросил инженера: «Ты там сам был?» Он отвечает: «Нет, не был, сужу по докладам».

Я заставил их надеть свинцовые фартуки и повёл на объекты. Показал, что люди сделали, а что нет, и почему нет. После этой прогулки они только разводили руками: «Нас неправильно проинформировали, неправильный доклад...»

Такое отношение со стороны руководства станции было очень обидным. Люди отдавали самих себя, а их абсолютно не ценили. Среди моих подчинённых не было отказников. Все работали.

Заражённая техника — «Наши миллионы»

По правилам безопасности одежду надо было менять каждый день. Но мы не меняли. Потому что нечем было менять. Мы работали в полевой форме, сверху комбинезон. Закончил работать — снял комбинезон, оставил его на рабочем месте. Утром пришёл, опять тот же комбез натянул — и работать.

Основная наша работа — уборка радиоактивной грязи. Собирали всё в мешки, вывозили в могильники, потом дезактивировали это место. И так — каждый день, три месяца подряд.

Хуже всего вертолётчикам. Они вообще никакой защиты не имели. Потом, когда определили степень опасности, которой подвергались пилоты, на пол вертолётов начали укладывать металлические плиты. А что такое это плита? Она быстро набирала радиацию, после чего начинала «фонить» и заражать лётчиков.

Авария на ЧАЭС — беда таких масштабов, с которой до сих пор в мире никто не сталкивался. Никто не знал, что надо делать. Именно поэтому в Чернобыле активно применялся один очень известный русский метод — «метод тыка» называется. Даже учёные, профессора, кандидаты, работавшие в Чернобыле, и, казалось, знавшие о мирном атоме всё, часто вынуждено использовали именно этот метод: получилось, сработало — хорошо. Не получилось, — давайте пробовать что-то другое.

«Метод тыка» срабатывал далеко не всегда. Бывало, очистим территорию, вынесем мусор, проведём дезактивацию. В результате радиации вообще нет, или стало значительно меньше. Всё прекрасно. А утром приходим работать, а оно опять фонит, да ещё и больше прежнего.

Олег Васютинский с сослуживцем

Вся беда в том, что при строительстве станции сэкономили на строительстве укрытия для реактора. Если бы оно было, то во время аварии реактор опустился бы в укрытие, и его гораздо легче было бы накрыть саркофагом. И никакого радиоактивного фона. Если бы не сэкономили, то распространение радиоактивного загрязнения удалось бы сократить процентов на 70. Или даже больше. Но сэкономили миллионы рублей. В результате потратили миллиарды или десятки миллиардов. Точную сумму назвать трудно даже сейчас. Есть информация, что на ликвидацию последствий аварии уходило 3-4 процента валового внутреннего продукта, так называемого ВВП, каждый год. Это очень много...

«... Когда вернулись, всех наших женихов как ветром сдуло...»

Ольга Охремчук и Людмила Орехова в 1987 году работали в зоне чернобыльской трагедии

— О том, что в каком-то там городке Чернобыль стряслось что-то нехорошее, мы узнали примерно за месяц до долгожданного дембеля. Официозные (а других тогда попросту не было) советские СМИ отделялись невнятными сообщениями об аварии на каком-то там энергоблоке электростанции. То, что грянула доселе невиданная беда, стало понятно, когда в полном составе снялась и убыла на Украину соседняя воинская часть — полк гражданской обороны. Но истинных масштабов трагедии тогда никто не представлял. Как, думается, и сегодня мало кто знает всю правду о подвиге ликвидаторов. Вот и я был изрядно удивлен, когда 22 апреля на встрече руководства областной Думы с калининградскими «чернобыльцами» увидел среди них двух женщин.

Ольга Охремчук и Людмила Орехова по-настоящему познакомились только теперь, хотя 26 лет назад одна сменяла другую в развернутом на территории бывшего техникума госпитале после установленной трехмесячной «вахты».

— Меня призвали как военнообязанную, — объясняет Людмила. — Сама я родом из Белоруссии, но оканчивала Калининградское медицинское училище. Получила диплом и вернулась на родину, в Брестскую область. Потом в город Пинск переехала, работала медсестрой в хирургическом отделении. И тут Чернобыль грянул. Мне, правда, не сразу повестка пришла, а уже в 1987-м, в январе. Дали 12 часов на сборы, оформили быстро все необходимые документы. В полночь на сборный пункт подкатил автобус, нас загрузили и повезли. По пути подбирали в городах и селах других призванных. В зону приехали 50 человек — все молодые незамужние девчонки.

Между прочим, отнюдь не все оказались столь законопослушными. К тому времени из чернобыльской зоны помаленьку стали просачиваться подробности там происходившего, народ

успел много чего поразузнать о лучевой болезни и прочих специфических вещах, связанных с радиацией. Так что, многие из тех, кто имел нужные связи в военкоматах, успешно от призыва уклонились. Ну а те, кому с «блатом» не повезло или кто просто оказался совестливым человеком, дисциплинированно прибывали в указанное место в указанное время.

— В марте 1987-го повестка пришла подруге, тоже медсестре, — рассказывает она. — «Не плачь, — говорю ей. — Поедем вместе!» А у меня отец тогда был начальником штаба гражданской обороны города Гродно. Так что хорошо представлял себе положение дел и сам меня не пустил бы туда никогда в жизни. Но как раз была пятница, он уехал на выходные на дачу. Вечером в воскресенье вернулся, я к нему подхожу: «Папа, у нас есть вещмешок?» Мне уже повестку успели оформить (хотя в военкомате никак не могли понять, зачем мне это надо), и там было указано, что офицер должен явиться с чемоданом, а рядовым положен вещмешок. «А ты куда собралась?!» Так и так, объясняю. У него волосы дыбом, всю ночь не спал. Мой большой грех, конечно, что этим своим поступком обеспечила отцу инфаркт. Но вот такое воспитание я получила, и папа меня в конце концов понял: «Ты хорошо подумала? Что ж, это твое решение». Когда мы уже в автобусе сидели, отец вошел в салон и напоследок посоветовал: «Девочки, пейте все, что горит!» Я просто поразились — он ведь никогда в жизни спиртным не увлекался.

Но совет, как вскоре выяснилось, был дельным. Вообще, в «зоне» (как говорится, из песни слов не выкинешь) трезвенников практически не было. Но вот что интересно — человек мог охмелеть, скорее, от вина, особенно от шампанского, которое просто «сносило голову». А вот чистый спирт, что называется, не брал. Возможно, как раз потому, что исправно выполнял функцию по выводу из организма накапливавшейся в нем радиоактивной гадости.

В госпитале пришлось заниматься привычной работой. Вот только пациенты были совсем не те, что в гражданской жизни. Большую их часть составляли солдаты срочной службы, занятые на дезактивации зараженных объектов. Выполнявших приказ «срочников» в госпитале обследовали и немного подлечивали, перед тем как комиссовать вчистую.

— Ребят этих больше всего жалко было, — вспоминает Людмила. — Они ведь еще моложе нас, может, толком даже не понимали, что им теперь предстоит. Особенно те, кто из республик Средней Азии. Веселились, прикалывались, как могли. Помню, была у них шутка: наваливали на кого-нибудь груды одеял и заставляли лежать под ними и потеть. А потом пот собирали в пробирку и отдавали нам на анализ. Такой вот юмор...

По словам Людмилы, ликвидаторы старались жить в зоне обычной жизнью. Например, шумно отмечали 8 марта и другие праздники.

Медперсонал также старались по мере возможностей обезопасить, заставляя соблюдать хотя бы элементарные меры предосторожности. Например, строго предписывалось передвигаться только по асфальтовым дорожкам (которые регулярно мыли), не сходя с них летом в траву. Ольга как-то пренебрегла этим указанием, и потом у нее долго сходили отеки на ногах. Впрочем, и откровенных нелепиц тоже хватало. Скажем, помывшись (делать это также полагалось, чем чаще, тем лучше), люди вновь облачались в снятую перед тем униформу. Она, наряду со многим другим, отнюдь не использовалась разово, как это демонстрировалось в репортажах СМИ для широкой публики. Многие потом и домой уехали в этой одежде.

— Да что форма, — говорит Ольга. — Из зоны много чего вывезли. Допустим, книги, которые в то время были жутким дефицитом. Я потом эти издания, кстати, в калининградских букинистических магазинах встречала. А при виде гомельских обоев просто начинала задыхаться — знала, что они ведь совсем не в Гомеле были произведены. Мебель тоже вывозили, разные другие бытовые товары. Контроль при желании вполне можно было обойти. Мы однажды, когда возвращались с выезда в свой госпиталь, решили завернуть к тому самому энергоблоку, что взорвался — сфотографироваться на память. Знали, что долго находиться там опасно, поэтому заранее все прикинули, быстро подбежали к саркофагу с обратной стороны, которую вам, журналистам, не показывали, и «щелкнулись». Уже на обратном пути, правда, нас остановили...

Повседневное существование в зоне нередко оказывалось круче любой фантастики. Взятый в брошенных квартирах хрусталь рассыпался в мелкую крошку от легкого щелчка или даже простого прикосновения. Обычно вырастающие не больше чем на 20 сантиметров ромашки вымахивали по пояс, тюльпаны поражали невероятно крупными бутонами. После дождя лужи затягивались густой желтой кашей. И то и дело волнами накатывала слабость, во рту появлялся железный привкус.

Кроме ликвидаторов, в деревнях чернобыльской зоны оставалось не так уж мало жителей — в основном стариков, ни за что не хотевших покидать насиженные места. Даже свою привычную одежду, которая отчаянно фонила, они отдавали в обмен на обновки очень неохотно. У собак вдруг начинала клочьями лезть шерсть и вскоре после этого псы куда-то бесследно исчезали — мертвыми их никто никогда не видел. Почему-то практически не было комаров, хотя я отлично помню, что столько кровопийц, как летом 1986-го, в Калининградской области не было ни до, ни после. Причем комары были как на подбор — крупные и какие-то мохнатые. «Чернобыльские!» — шутили

калининградцы. Как знать. Может, они были недалеко от истины.

Жизнь и в непосредственной близости от источавшего смерть взорвавшегося реактора брала свое: трудно поверить, но ликвидаторы вовсю танцевали на дискотеках, устраивали дружные пикники (благо, продуктовое снабжение было по советским понятиям просто отменным), вообще старались поддерживать себе настроение и не особо заикливаться на мыслях о будущем.

— Вот видите на фотографии мужчина? — показывает Людмила. — Это главный врач нашего госпиталя. Тоже откуда-то из Белоруссии. Получил огромную дозу радиации и сам прекрасно знал, что обречен. С нами вообще не особенно церемонились. Сразу объявили, что после Чернобыля протянем не больше 10 лет. Да еще и умирать будем в страшных муках. А мы вот, как видите, до сих пор живем! И дети у обеих есть, хотя нас предупреждали, чтобы раньше, чем через пять лет, рожать не вздумали.

У Людмилы уже взрослый сын. У Ольги — трое детей и одна внучка. Семейное счастье в данном случае имеет особую цену. Как вспоминают ликвидаторши, по возвращении из Чернобыля они обнаружили, что женихов, от которых до этого отбою не было, словно ветром сдуло.

— Да что там женихи, — машет рукой Ольга. — Еще когда из зоны в Гомель приезжали, так в магазине очередь расступалась, и мы к прилавку сквозь этот живой коридор свободно проходили.

— Настолько вас уважали?

— Так нас опасались!

Отношение окружающих для «чернобыльцев» — вообще больная тема. После встречи с депутатами облдумы, где в адрес ликвидаторов звучали слова благодарности и обещания помощи, выйдя в коридор, Людмила снимала свои медали и складывала их в сумочку.

— Я свои тоже сейчас сниму, — вздыхает Ольга, понимая, глядя на боевую подругу. — Не хочу, чтобы на меня смотрели, как не знаю на кого. В офисе нашего Союза «Чернобыль» очень правильный плакат висел: «Простите, что мы живы!» Вот сейчас о квартирах для чернобыльцев говорили. А я на всю жизнь запомню, что мне командующий Балтфлотом сказал, когда я, жена офицера, к нему на прием пришла по поводу жилищных условий. И себе же на беду сказала, что в Чернобыле была. «А чем ты там занималась?» — спрашивает. Ну я ему откровенно: мол, если б вы, товарищ командующий, со мной там побывали, то такие вопросы не задавали, да и квартира у моей семьи наверняка бы уже была. Ну а как еще ответить на такое хамство? В результате мы жилье только в прошлом году получили.

Восприятие возвращавшихся из зоны героев, как отработанного, никому больше не нужного материала, оказалось куда страшнее губительной радиации.

— Нам ведь изначально никто долгой жизни не обещал, — говорит Ольга. — Поэтому было такое самоощущение: я уже пострадала там, в Чернобыле, так пусть хотя бы другим не достанется ни этого, ни чего другого. Может, поэтому вскоре после возвращения и попросилась в Афганистан. Но на медкомиссию пришла уже беременной, врач посмотрел: «Да куда тебе в таком положении, подруга?!» Только поэтому туда, «за речку», как тогда говорили, и не попала.

Каждый новый день рождения воспринимался как бы даже с некоторым удивлением — неужели прожили больше, чем было предсказано?

— Сейчас ведь совсем другое восприятие жизни, чем у нас тогда было, — рассуждает Людмила. — В то время даже лозунг такой был: «Родина сказала: «Надо!» — комсомол ответил «Есть!»» Наше поколение даже не думало, что можно как-то словчить, отвитьнуть. Хотя не все, наверное, так однозначно. Знаете, мы ведь когда три месяца в зоне отбыли, ждали смену, которая должна была прибыть из Москвы. А приехали вдруг из Белоруссии. Почему? Ну об этом можно только догадываться...

Русские женщины — все-таки самые удивительные в мире. По образованию медработники, Людмила и Ольга стараются лишний раз не проходить медицинское обследование. По принципу «меньше знаешь — спокойнее жить». Очень жалеют ликвидаторов-мужчин, которым, по глубокому убеждению медсестер, пришлось куда тяжелее, чем им самим. И хоть сейчас готовы вновь отправиться хоть на войну, хоть на ликвидацию очередной техногенной катастрофы:

— Нас в Фукусиму надо было посылать, когда на тамошней атомной станции после цунами авария стряслась. Японцы, по большому счету, опыта действий в подобных ситуациях не имеют. Хиросима и Нагасаки когда уже были! А у нас за плечами огромный опыт, наверняка пригодился бы.

— Ну а если, не дай бог, конечно, у нас в стране опять что-нибудь такое грянет — поехали бы?

— Ну а почему нет?! Кто сегодня поедет, если не мы?

А ведь и вправду — кто?..

«Оснований для тревоги нет»: первые дни Чернобыльской катастрофы в зеркале газеты «Калининградская правда»

(По материалам Государственного архива Калининградской области)

26 апреля 1986 года. «Калининградская правда», главная областная газета, орган обкома Коммунистической партии Советского союза в субботнем выпуске, в статье, опубликованной на первой полосе, сообщает: «...Высокими темпами сеют яровые комсомольцы совхоза “Ясиновский” Они одними из первых вывели в поле посевные агрегаты...»

Здесь же опубликована статья «Время конкретных дел». Статья рассказывает о сессии городского совета депутатов. Стил — восторженная партийная патетика, в которую уже начала пробираться перестроечная лексика: «...Участники сессии выразили горячее одобрение, единодушную поддержку решений съезда, направленных на ускорение социально-экономического развития страны, говорили о первых шагах по их выполнению...»

Важная международная новость: «Вожди пуштунских племён манза и райхель заявили, что Демократическая республика Афганистан является истинным другом всех пуштунов...» И ещё: «... Рейган пугает не только своим взглядом на мировые дела, но и способами решения существующих проблем...»

Статья в рубрике «Фильм недели», которую вела старший редактор Облкинопроката Татьяна Корецкая, рассказывает о фильме «Одинокое плавание»: «...В основе остросюжетной ленты лежит острое столкновение группы наших морских пехотинцев с «зелёными берегами» ЦРУ. В фильме показаны вымышленные события, но в современной взрывоопасной обстановке они могут стать суровой реальностью...»

На последней странице областной газеты — рассказ о новых тенденциях в моде: «...Снова в обиход войдут брюки из фланели, джерси, бархата. Но с привычными «бананами» придётся распрощаться...»

Первый раз слово «Чернобыль» появится только в выпуске «Калининградской правды» за 6-е мая, когда о Чернобыльской катастрофе уже сообщили центральные средства массовой советской информации. В статье «Об авариях на АЭС США» рассказывается о докладе некой американской организации «Паблик ситизен». Вот цитата из этой статьи: «...Около 20 тысяч различного рода происшествий произошло на американских ядерных станциях с 1979 года...» И далее в статье говорится: «...Доклад организации «Паблик ситизен» опубликован в то время, когда в США искусственно подстёгивается разнузданная антисоветская кампания вокруг аварии на Чернобыльской АЭС, всячески муссируется тезис о том, что в США, якобы, такого быть не может. Приведённые в документе факты, однако, говорят об обратном...»

Это и есть первое упоминание о Чернобыльской катастрофе, опубликованное в главной газете Калининградской области.

7 мая «Калининградка» публикует материал Телеграфного агентства Советского союза «К событиям на Чернобыльской АЭС. В пресс-центре МИД СССР». Выступивший на пресс-конференции заместитель министра иностранных дел СССР Александр Бессмертных, отвечая на вопросы советских и иностранных журналистов, в частности сказал: «...Если бы мы дали, что называется, мгновенную информацию (о взрыве — прим. авт.), не уточнив, не проверив и не перепроверив её, будь то информация преуменьшенная или преувеличенная, то в одном случае были бы порождены панические настроения, в другом — имела бы место недооценка опасностей, если бы таковые имелись. Так что наш подход нацелен на то, чтобы информация была ответственной, объективная, достоверная, а если выразить одним словом — честная...»

ВРЕМЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

К СОБЫТИЯМ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС

В ПРЕСС-ЦЕНТРЕ МИД СССР

Второй прогресс науки и техники приносит человечеству не только блага, но и опасности. Ни полеты, ни космические орбиты, ни энергетика, ни океанские глубины не покоряются без трагических потерь.

Они напомнили аварию на Чернобыльской АЭС, которая отозвалась в сердцах миллионов людей. Советскому правительству известно о случившемся наши друзья, правительства многих государств, международные организации.

Состоявшаяся в Москве в Пресс-центре МИД СССР пресс-конференция для советских и иностранных журналистов — важное продолжение широкого информиро-

вантер, они выступили с упреком относительно предоставляемой нами информации. Этот упрек никак невозможно принять. Как только у нас появились данные достоверные, о них было незамедлительно сообщено. Как только разобрались в фактах на месте, с учетом действительного положения дел, так и сообщили о ситуации и продолжаем информировать почти каждый день. Гаданием мы не занимаемся, опираемся на факты и данные, которые дают лучшие специалисты и приборы. Об этом скажут присутствующие на пресс-конференции авторитетные и компетентные представители. Попутно отмечу не в упрек, а ради истины: когда в США произошла авария в 1979 году, то амери-

Состоявшиеся у нас сегодня беседы с генеральным директором МАГАТЭ Виллемом покажи, что наши мысли идут в одном направлении.

Освобождение нашей планеты от ядерного оружия, безопасное использование энергии атома, исключительно в мирных, созидательных целях требует широкого, международного взаимодействия, объединенных усилий всех соответствующих государств, международных организаций и общественных сил, которые заинтересованы в создании всеобъемлющей и надежной системы международной безопасности. Советский Союз — за такое сотрудничество.

Затем перед журналистами выступил председатель правительственной комиссии, Председателя

лее снизился. По результатам систематического контроля радиоактивного загрязнения местности на территории Украинской, Молдавской, Белорусской ССР уровень радиации не превысил нормы радиационной безопасности, установленные МАГАТЭ и Минздравом СССР. Повышенные уровни радиации отмечались на территории, прилегающей непосредственно к месту аварии, где максимальные уровни радиации достигали 10—15 миллирентген в час. По состоянию на 5 мая уровни радиации в этих районах снизились в 2—3 раза. Осуществляется регулярный контроль за водными объектами в Киевском водохранилище. Концентрации радиоактивных веществ здесь также не представляют опас-

День планеты

НА ЖЕНЕВСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ

ЖЕНЕВА, 6. (ТАСС) Сюда для полного разряда перед делегацией США и космическим войсками прибыла делегация В заявлении, опубликованном в Женеве, руководитель делегации Карпов подчеркнул

Это и есть первое упоминание о Чернобыльской катастрофе, опубликованное в главной газете Калининградской области

В Бируни, эти драгоценные реликвии становятся доступными широкому кругу историков, филологов, лингвистов, специалистов в области культуры, а также многих других областей знаний. В последние годы институт публикует уникальное «Собрание восточных рукописей». Творения ученых и поэтов, переводов на русский и другие языки и пожелания стали достоянием истории нашей страны. История создания фонда копий началась еще в 70-е годы, когда была открыта Библиотека с отделом восточных рукописей. Но пополнение фонда долгие годы шло медленно. Ко времени вхождения Великой Октябрьской социалистической революции он насчитывал немногим более 100 томов.

В настоящее время рукописный фонд, основанный в Институте востоковедения Академии наук Узбекистана (созданном в 1950 году), состоит из более чем 17 тысяч томов, включающих свыше 40 тысяч произведений. Хронологически фонд охватывает более чем тысячелетний период истории. Среди наиболее древних рукописей — произведение Ибн Салама (умер в 837 г.) «Гариб уль-Хадис» («Редкие изречения в хадисах»). Самые поздние произведения датированы началом

В настоящее время рукописный фонд, основанный в Институте востоковедения Академии наук Узбекистана (созданном в 1950 году), состоит из более чем 17 тысяч томов, включающих свыше 40 тысяч произведений. Хронологически фонд охватывает более чем тысячелетний период истории. Среди наиболее древних рукописей — произведение Ибн Салама (умер в 837 г.) «Гариб уль-Хадис» («Редкие изречения в хадисах»). Самые поздние произведения датированы началом

В настоящее время рукописный фонд, основанный в Институте востоковедения Академии наук Узбекистана (созданном в 1950 году), состоит из более чем 17 тысяч томов, включающих свыше 40 тысяч произведений. Хронологически фонд охватывает более чем тысячелетний период истории. Среди наиболее древних рукописей — произведение Ибн Салама (умер в 837 г.) «Гариб уль-Хадис» («Редкие изречения в хадисах»). Самые поздние произведения датированы началом

СИЛЬНЕЕ АТОМА

Специальные корреспонденты ТАСС Владимир Иткин и Лев Черненко передали 6 мая из зоны Чернобыльской АЭС.

— Где вы были в момент аварии? — С таким вопросом мы обращались к тем, кто еще вчера нес вахту у ульянов Чернобыльской АЭС, кто готов снова выехать на очередную смену. Хотя некоторые остановлены, на них одерживается мужской рывок, ведутся «штатные» работы, энергетики продолжают свою вахту на станциях, и другие ее службы ездят — даже бухгалтерия. Как обычно, в день погрузки людям выдали зарплату, постоянно опекают санитары медиков, внимательно следят за их здоровьем. Каждый добросовестно елает свое дело.

Во время аварии большинство коммунистов проявили настоящий героизм, — говорит заместитель секретаря парткома Чернобыльской АЭС Геннадий Алексеевич Аряков. — Реально оценивали обстановку, люди действовали уверенно, дезертиров не было, никто не отказывался от работы, каждый исполнял свой долг.

Когда я увидел, что

нести авария, руководили действиями чернобыльцев, вступивших в борьбу с грозной силой.

Их мысли были и о семье, о детях, которые остались в поселке. А у мастера Владимира Степановича Лыскина сын был на глазах — они работали рядом, восстанавливая поврежденное силовое оборудование. Не растерявшись в сложной ситуации сыну Евгению помогла солдатская выучка — на АЭС он пришел после службы в ракетных войсках. Опыт отца и молодая смелость сына соединились в трудную минуту в общем деле. И жена Лыскина тоже находилась на АЭС, дежурила на насосной станции. Семья атомщиков и сегодня готова продолжить свою вахту в Чернобыле.

Как одна семья, застигнутая бедой, переживает случившееся коллектив Чернобыльской атомной станции. Остановлены реакторы, и теперь уже не станция дает людям энергию, а сами люди отдают свою энергию АЭС. Вести борьбу с послед-

ет там учиться в таком ПТУ.

Но не все еще имеют связи от своих семей. И ср установить связи с ними просто — ведь новые адреса получили десятки тысяч людей. Это вызывает естественное беспокойство. Но работники АЭС, которые не вахту в Чернобыле, знают об их близких познания. Они знают, что сила могущественней, энергия атома. Она питает нас в любых нелегких ситуациях. Эта сила — особый характер. Самоотверженность тех, кто боролся с аварией, кто и сегодня продолжает работу на станции, спокойствие тех, кто вынужден покинуть родную сердечность, с которой вносят переселенцев у себя, семьи, помощь, которую получают чернобыльцы от всей республики, от страны, — вот яркие проявления нашего характера.

Десятки телеграмм приходят в эти дни в адрес Чернобыльской АЭС. «Прошу решить мне принять участие в ликвидации аварии»

Также замминистра заявил: «...По результатам систематического контроля радиоактивного загрязнения местности на территории Украинской, Молдавской, Белорусской АССР уровень радиации не превысил нормы радиационной безопасности, установленные МАГАТЭ и Минздравом

СССР.

Повышенные уровни радиации отмечались на территории, прилегающей непосредственно к месту аварии, где максимальные уровни радиации достигали 10-15 миллирентген в час. По состоянию на 5 мая уровни радиации в этих районах снизились в 2-5 раз...»

Примечательно, что в газетных материалах того времени вместо слов «взрыв» и «катастрофа» используется слово «авария».

Например, 6 мая специальные корреспонденты ТАСС передали срочный материал из района аварии на Чернобыльской АЭС. Их статью «Сильнее атома» опубликовали в «Калининградской правде». Вот несколько цитат из этого срочного материала: «...Во время аварии большинство коммунистов проявили настоящий героизм...», «...Десятки телеграмм приходят в эти дни в адрес Чернобыльской АЭС: «Прошу разрешить мне принять участие в ликвидации Чернобыльской аварии...»

8 мая 1986 года «Калининградская правда» публикует статью «Оснований для тревоги нет».

— В связи с аварией на Чернобыльской АЭС наши читатели обращаются в редакцию с вопросами о радиационной обстановке в области, интересуются, не следует ли предпринять что-либо в данных обстоятельствах? — пишет газета.

На вопросы читателей «Калининградки» ответила заведующая отделом здравоохранения Калининградского облисполкома М.В. Лугина: «С 28 апреля было отмечено некоторое повышение радиоактивности в Калининграде и других городах и посёлках области, однако обнаруженные уровни радиации не представляют опасности для здоровья людей.»

Далее в статье говорится, что «за период наблюдения» радиоактивность постоянно снижалась и что «к сегодняшнему дню» (8 мая — *прим. авт.*) она снизилась в пять раз и лишь незначительно превышает естественный фон.

В этом газетном материале главный медицинский чиновник области отмечает, что «...особенно много вопросов возникает (у калининградцев — *прим. авт.*) в связи с потреблением молока и молокопродуктов...»

«Действительно, — отвечает на эти многочисленные вопросы начальник облздравотдела, — незначительное повышение содержания радиоактивных веществ в этих продуктах имеет место, но уровень загрязнения ниже того, при котором требуется запрещение их потребления в пищу. Поэтому нет оснований для ограничения выпуска и потребления молока...»

Однако тут же товарищ Лукина делает небольшую оговорку: «...Однако, учитывая, что детский организм более чувствителен, детям раннего возраста в данный период можно уменьшить потребление цельного молока и больше использовать для их питания молочные смеси «Малыш», «Малютка», сливки, сметану, творог, овощи.»

Погода в Калининграде в те дни стояла тёплая, поэтому у жителей области возникло много вопросов о «возможности пребывания на свежем воздухе».

«Загорать можно как детям, так и взрослым, — ответила на эти вопросы главный медик области, —

но не нужно забывать об активности весеннего солнца и следует соблюдать при этом чувство меры. Можно купаться в море, реках, озёрах, отдыхать на траве, сушить бельё на улице...»

Также в статье говорится, что «...наблюдения за радиационной обстановкой в области находятся под постоянным контролем обкома КПСС и облисполкома...»

«Калининградская правда» за 11 мая 1986 года. Большая статья, озаглавленная «Чернобыльская АЭС: ситуация стабилизируется». Это отчёт об очередной пресс-конференции, состоявшейся в Москве.

Он начинается следующими словами: «Всё более спокойные вести поступают от учёных и специалистов, занятых ликвидацией последствий аварии на Чернобыльской атомной станции. Со дня на день уменьшается температура на её повреждённом блоке, отмечается последовательное снижение уровня радиации... Не вызывает беспокойства состояние водной и воздушной среды в посёлке АЭС, в Киеве, Минске и других близлежащих городах...»

Далее в статье рассказывается, что в СССР приехали специалисты МАГАТЭ, которые «позитивно оценили работу советских специалистов.» Директор отдела МАГАТЭ по ядерной безопасности, профессор М. Розен очень хорошо отзывался о применении советскими специалистами «методики поглощения излучения с помощью щита, состоящего из песка, бора, глины, доломита, свинца.», так как это в короткий срок «привело к снижению уровня радиации в 30-ти километровой зоне.»

13 мая «Калининградская правда» публикует сообщение Телеграфного агентства Советского Союза: «На Западе в связи с аварией на Чернобыльской АЭС пушены в оборот измышления о том, что советские экспортные товары и транспортные средства представляют опасность из-за их «радиоактивного заражения». Рядом западноевропейских стран приняты меры по ограничению импорта из СССР и некоторых стран СЭВ (СЭВ — совет экономической взаимопомощи, экономический союз Албании, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии — прим. авт.) продовольственных и других товаров.

Такие действия подрывают цели международных соглашений о торговле, экономическом, промышленном и научно-техническом сотрудничестве, заключённых между соответствующими странами и СССР...

...Компетентными государственными органами СССР приняты и продолжают приниматься необходимые оперативные меры. Советские товары и транспортные средства не представляют опасности с точки зрения радиоактивности ни для населения нашей страны, ни для граждан других государств...»

17 мая «Калининградская правда» в рубрике «По просьбам читателей» публикует небольшую заметку под заголовком «Обстановка полностью нормализовалась».

В ней сообщается, что «...за период наблюдения радиоактивность внешней среды ежедневно снижалась и по состоянию на 16 мая 1986 года нормализовалась. Вода в море, реках и на водопроводных станциях радиоактивного загрязнения не имела и не имеет. Можно пользоваться пляжами, купаться, загорать с соблюдением обычных рекомендаций.

Незначительное повышение содержания радиоактивных веществ в молоке и молочных продуктах, которое наблюдалось в первые дни мая, в настоящее время снизилось до минимальных величин...»

«Всё было гораздо тише. И страшнее»: калининградские ликвидаторы — о сериале «Чернобыль»

Председатель калининградского отделения союза «Чернобыль» Михаил Ойсбойт и ликвидатор Александр Бондарь — о том, что не так в фильме и почему его надо смотреть

Сериал «Чернобыль» американской студии НВО занимает в рейтингах первые места. Основанный на реальных событиях, он обошёл по популярности даже «Игру престолов».

«Если сравнивать воспоминания первых ликвидаторов с кадрами сериала, то совпадение почти фотографическое. Словно своеобразный сканер работал. Показывают не только наши «блестящие успехи», но и «ошеломляющие ошибки». Например, задержка с эвакуацией, оповещение населения с серьёзным опозданием. И эти пресловутые демонстрации.»

Конечно, есть фактические ошибки. Например, сцена на мосту, где на людей падают тонны радиоактивного топлива. Этого не было. Зачем это показали, я не знаю. Американское кино, что с них взять.

Но первые минуты на самой станции показаны достаточно точно. Неразбериха, непонимание того, что происходит, твёрдая убеждённость начальника смены, что реактор взорваться не может...

Я приехал в Чернобыль в начале июня. Работал в группе дозиметрической разведки. Меня туда пригласили, скажем так. Тогда дозиметристов со всего Советского Союза приглашали. Мы работали исключительно по заданию правительственной комиссии. Лезть в «пещеру», в четвёртый блок, многие отказывались. И тогда включалась наша группа.

Конечно, если всё показывать, то и двухсот серий не хватит. Например, дренаж под реактором был устроен так, что радиоактивная вода никуда не уходила. Мы работали по голень в ней. И всё это в полной темноте. На тебе армейский прибор дозиметрической разведки. Феноменальной точностью он не обладал. У нас был очень точный прибор, но тяжёлый — таскать на себе невозможно.

В фильме ликвидаторы ходят с хорошими американскими фонарями. Ничего подобного у нас не было, приходилось таскать шахтёрский, с аккумулятором. Быстро выяснилось, что крепить его на каску бессмысленно: фонарь светил совсем не туда, куда ты хотел. Мы его вешали на лямку аккумулятора и рукой направляли.

Работать — только в перчатках. Как-то я выводил свою группу, навстречу — сменщики. Один перед выходом не проверил аккумулятор, фонарь сел. Я отдал свой. Он автоматически голой рукой взялся за лямку. К вечеру лапа была размером с подушку. Через два дня прошло.

Из нашей группы, из 18 человек, сегодня осталось четверо...»

Александр Бондарь: Не было ощущения глобальной катастрофы

«Когда Алла Борисовна (Пугачёва — *прим. ред.*) дала концерт в Чернобыле, у неё голос после этого сильно изменился. А ещё там выступал ансамбль песни и пляски Балтийского флота. Танцоры были без масок. Мало кто из них живой остался. Этого, конечно, в сериале нет.

Американцы сделали американский фильм. Хороший, очень много правды. Но они сделали фильм в своём, американском, представлении о нашей советской действительности, очень сильно её приукрасив. Ну не мог в те годы какой-то секретарь райисполкома позвонить напрямую ночью самому товарищу Горбачёву. Это ересь полная.

Лет 15 назад Украина открыла секретные архивы КГБ по Чернобылю. Первые часы аварии — никто никому ничего вообще не докладывал. Боялись. И не могли поверить, что взорвались. Первое сообщение в Москву ушло через 12 часов. Не было ощущения глобальной катастрофы. Ну пожар на станции. Ну и что.

В Калининградской области в каждом полку стояли дозиметрические приборы. Я в ночь с 26 на 27 апреля поехал проверять караулы. И мой заместитель мне говорит: «Слушай, а приборчики-то у нас. Что-то свистят...»

Он позвонил в дивизию. Те связались со штабом армии на Комсомольской. Там сказали: «Свистят? А вы их отключите». Всё было как-то спокойно, а американцы сделали экшн. В реальности ничего такого не было. Через сутки подняли вертолётную эскадрилью из Каунаса, Геннадий Иванович Сальников ею командовал. Во второй серии показывают, как они сбрасывают свинцовую дробь на реактор. Для отправки в Чернобыль её срочно собирали по всему Советскому Союзу — в оружейных

магазинах, со всех складов. Это стало одной из главных ошибок при ликвидации аварии. Дробь до реактора не долетала — сразу испарялась и становилась радиоактивной.

...В Чернобыль я попал через год после аварии. Пришёл приказ: завтра быть на месте. Взял билеты и поехал.

Конечно, не обошлось без политики. Горбачёв где-то публично сказал, что в октябре 1987 года третий блок станции будет запущен в эксплуатацию. Чтобы Горбачёв мог сдержать своё слово, мы работали в три смены. То есть круглосуточно. Очищали помещения.

В семидесяти километрах от зоны был посёлок городского типа Полесское. Мужики оттуда сразу после аварии уехали, остались одни старушки. Они написали письмо в Кремль, самому Рыжкову. Хотели, чтобы их Полесское очистили и жили бы они там спокойно. Туда прислали военных, которые и проводили дезактивацию. Крыши меняли, улицы мыли. И так несколько раз. Занятие абсолютно бесполезное. Любой ветер — и вся эта работа насмарку. Я потом в это Полесское приезжал. Представляешь, лист на дубе — полметра в длину. Шляпка гриба могла достигать в диаметре метра. В 1993-м правительством Украины было принято решение полностью расселить Полесское. В сериале таких деталей нет.

Я два месяца со станции не вылезал, много мотался по зоне. Поразило: в деревне старики с бабушками как ни в чём ни бывало живут. И внуки тут же с ними. Спрашиваю. Отвечают: «Нас переселили, но там плохо приняли. Мы решили вернуться. На вот яблочко, съешь».

Я был заместителем командира Прибалтийского полка и плотно общался с товарищем Щербиной, председателем правительственной комиссии по ликвидации последствий. Он там отработал по полной, царствие ему небесное.

Показухи, конечно, тоже хватало. Щербина как-то выговаривал мне: «Почему Прибалтийский полк отстаёт от графика?! Вы уже должны были пять помещений сдать». А мы их сдать не могли. У нас приборы армейские, показывали только гамма-излучение. А у ребят из Цеха радиационной безопасности (ЦРБ), которые у нас работу принимали, брали и бета, и альфа. И вот что делать? Поговорил с ребятами из ЦРБ. Они мне говорят: «Вся зона отчуждения — зона трезвости. А ребятам выпить надо». Сгоняли, купили несколько ящиков водки, после чего дела у нас пошли хорошо. График мы даже опередили.

Мне понравилось, как во второй серии показали тех трёх ликвидаторов, которые клапаны на реакторе перекрыли. Реально смертники были. Американцы сделали хороший фильм о Чернобыле. Его надо смотреть».

Разломанная земля, скорбящий ангел и улетающие журавли

Людмила Богатова, один из авторов памятника ликвидаторам последствий атомных катастроф, рассказывает непростую историю памятника на Гвардейском проспекте.

26 апреля 1986 года мы со скульптором Олегом Сальниковым были в Ташкенте. Сидели в гостях у нашего друга, великолепного врача-кардиолога. У него был день рождения. И тут ему позвонили. Сказали, что что-то произошло и что где-то, то ли в Белоруссии, то ли на Украине, что-то взорвалось. Наш вдруг вышел на балкон, посмотрел на небо и сказал, что всё пока чисто.

Первая наша встреча с Михаилом Ойсбойтом, председателем калининградского союза «Чернобыль», длилась минут сорок. Михаил показал несколько эскизов предложенных ему проектов памятника ликвидаторам. Они «впечатляли». Там была даже плавающая мина и забор, по мнению автора, изображающий крылья.

Мы смотрели эскизы и обсуждали проект. Так мы нашли синоним, символ «атомной трагедии». Это журавль. Помните историю японской девочки, в 1945 жившей в Хиросиме? Во время взрыва атомной бомбы ей было два года. Когда ей исполнилось 10, выяснилось, что у неё лейкемия, вызванная полученным облучением, и что она обречена. Её отец рассказал ей легенду, по которой человек, сложивший тысячу бумажных журавликов, сможет загадать желание, и оно обязательно исполнится. Девочка сложила 1300 бумажных журавлика. Она умерла, когда ей исполнилось 12.

А ещё у меня появилась идея, что в композиции обязательно должен быть ангел. Минут двадцать я думала о том, как сказать об этом Михаилу Ойсбойту. Кто его знает, как он к этому отнесётся. Осторожно спросила:

— А если ангел?

Он схватил меня за руку:

— Точно! Ангел!

Так у нас появилась концепция: разломанная земля, скорбящий ангел и улетающие, освобождающиеся души — журавли. За неделю мы со скульптором Олегом Сальниковым сделали карандашный эскиз. Он понравился членам калининградского союза «Чернобыль».

Лицо ангела. Памятник ликвидаторам на Гвардейском проспекте. Фото: Александр Подгочук/портал «Клопс»

Памятник открыли 26 апреля 2011 года, в день 25-й годовщины трагедии.

Стоит накрытый белым полотном, которое после торжественных речей снимут. Что чувствовали авторы в этот момент? Я, например, дрожала от волнения.

Иллюстративный текстовый материал

Памятка

Воину, работающему в условиях радиоактивного заражения

Воин, помни!

Радиоактивные вещества не имеют цвета, вкуса и запаха. При попадании в организм человека они могут вызвать тяжёлые заболевания. Основными путями их проникновения в организм являются: органы дыхания, пищеварения, кожные покровы.

Местность, здания, различные строения, техника, обмундирование, снаряжение, обувь, индивидуальные средства защиты, заражённые радиоактивными веществами, представляют опасность для личного состава.

Обязан:

- Обязательно использовать средства защиты, респиратор, ОКЗК (костюм Л-1), перчатки;
- надевать и снимать индивидуальные средства защиты в специально отведённых местах;
- после окончания работ обязательно пройти дозиметрический контроль для определения степени заражённости индивидуальных средств защиты, кожных покровов, обмундирования и санитарную обработку;
- в случае заражения радиоактивными веществами индивидуальных средств защиты и обмундирования свыше допустимых норм обязательно заменить их.

Запрещается:

- принимать пищу, курить, пить и отдыхать на рабочих площадках;
- снимать или растёгивать индивидуальные средства защиты без разрешения командира;
- ложиться, садиться на загрязнённую местность, или прикасаться без необходимости к заражённым предметам.

Строжайшее соблюдение правил радиационной безопасности, установленных инструкциями, обеспечит выполнение поставленной задачи и сохранит здоровье!

МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ССР ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМИТЕТ БЕЛОРУССКОЙ ССР

Правила поведения населения в летне-осенний период 1986 года

Памятка для населения

Дорогие товарищи!

Территория, где вы проживаете, в результате аварии на Чернобыльской АЭС подверглась небольшому радиационному загрязнению. Его уровень не представляет какой-либо опасности для здоровья человека, животных и окружающей среды. Но в целях недопущения даже малейшего воздействия радиации на ваш организм вам нужно в повседневной жизни, работе и использовании сельскохозяйственной продукции соблюдать обязательные меры предосторожности.

Прежде всего, выполняйте требования личной гигиены и следите за чистотой жилых и подсобных помещений.

При выполнении полевых сельскохозяйственных работ и работ по уходу за животными защищайте органы дыхания респираторами или марлевыми повязками. Надевайте на работу верхнюю одежду из плотной ткани и головной убор. В конце работы её тщательно вытряхивайте, а обувь мойте. Не оставляйте рабочую одежду и обувь в жилых помещениях.

Нецелесообразно использовать навоз в качестве удобрения в летне-осеннем периоде текущего года. Отведите на пустыре место, где захороните собранный в этот период навоз, а вместе с ним удалённую из огородов сорную траву. Желательно вырубить дикорастущие кустарники на приусадебном участке и также захоронить их.

Шахтные колодцы должны иметь навесы и постоянные ведра, которые нужно хранить внутри навесов.

Выращенные на своих огородах и в садах плоды, ягоды и овощи подлежат дозиметрическому контролю (выборочно), а после разрешения перед употреблением не менее трёх раз промойте их в чистой проточной воде, а у капусты снимайте 2-3 верхних листа.

В случае повышенной загрязнённости плоды, ягоды и овощи с личных огородов и садов продавайте государственным и кооперативным заготовительным организациям, на рассортировку и техническую переработку. Не следует вблизи мест проживания собирать и использовать дикорастущие плоды, ягоды, грибы, лекарственные травы, охотиться на диких животных и птиц, ловить рыбу и купаться.

Заготовку дров и торфа вести только с разрешения соответствующих организаций.

Молоко, мясо, яйцо и продукты их переработки, полученные в личных подсобных хозяйствах, перед употреблением проверяйте на радиоактивную загрязнённость. В случае повышенной их загрязнённости продавайте продукцию животноводства в свои хозяйства.

Проверить выращенную продукцию можно у специалистов колхозов, совхозов, а также в ближайших санитарно-эпидемиологических станциях, ветеринарных лабораториях, мясо-молочных и пищевых контрольных станциях, кормовых лабораториях и подвижных радиологических лабораториях Минздрава БССР и Госагропрома БССР, которые имеются в каждом районе.

ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ!

Обращение

К воинам, участвующим в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС

В лучших традициях великого советского многонационального народа всегда было и остаётся плечом к плечу вставать в большой беде. Не раз приходилось собирать нам в единый кулак все наши духовные и материальные силы, чтобы одним ударом одолеть врага.

Стряслась беда в Чернобыле. И каждый советский человек — коммунист и беспартийный, учёный и рабочий, мужчина и женщина, маршал и рядовой, заняли место в едином строю лицом к лицу в единоборстве с атомом.

Занял своё место в этом строю и ты, воин — гражданин. Тебе выпало, говоря языком памятного прошлого, — быть на передовой, быть разведчиком и минёром, победить атом.

Дорогой товарищ! Представь, что суровая необходимость заставила мать, отца, братьев и сестёр вынуждено оставить отчий дом, милый сердцу край. Разве сможешь ты спокойно смотреть, разве сможешь не сделать всего от тебя зависящего и даже больше того, чтобы отвоевать у стихии законные, святые права твоих родных и близких?!

Разверни любую газету, включи радиоприёмник, и ты увидишь и услышишь имена всё новых советских людей, наших славных воинов, незаметно для себя входящих в нашу историю героями. Им и тебе выпала одна ответственная задача — обезопасить населённые пункты, соединяющие их дороги, окружающие луга и поля от радиоактивного заражения и вернуть их законным хозяевам.

От твоих действий, товарищ, от качества твоей работы зависит здоровье этих людей, безопасность прекраснейшего, богатейшего уголка Отчизны, схваченного в тиски Чернобыльской аварии.

В годы мирной жизни жители этих мест показывали образцы в труде, прославили нашу землю. Сегодня они оказались в беде, и мы должны выручить их. Они ждут нашей помощи. Наш долг сделать всё возможное по скорейшему выполнению важнейшего партийного и

правительственного поручения по качественному обеспечению всех необходимых работ, по возрождению к нормальной жизни пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС районов.

Тщательная работа по проведению дезактивации домов, дворов, водоемов, водоисточников, других объектов — самый высокий долг каждого из нас.

Дорогой товарищ! Выполни его с честью!

Руководство оперативной группы

Министерства обороны СССР

Из личного альбома Олега Васютинского

Палаточный городок ликвидаторов

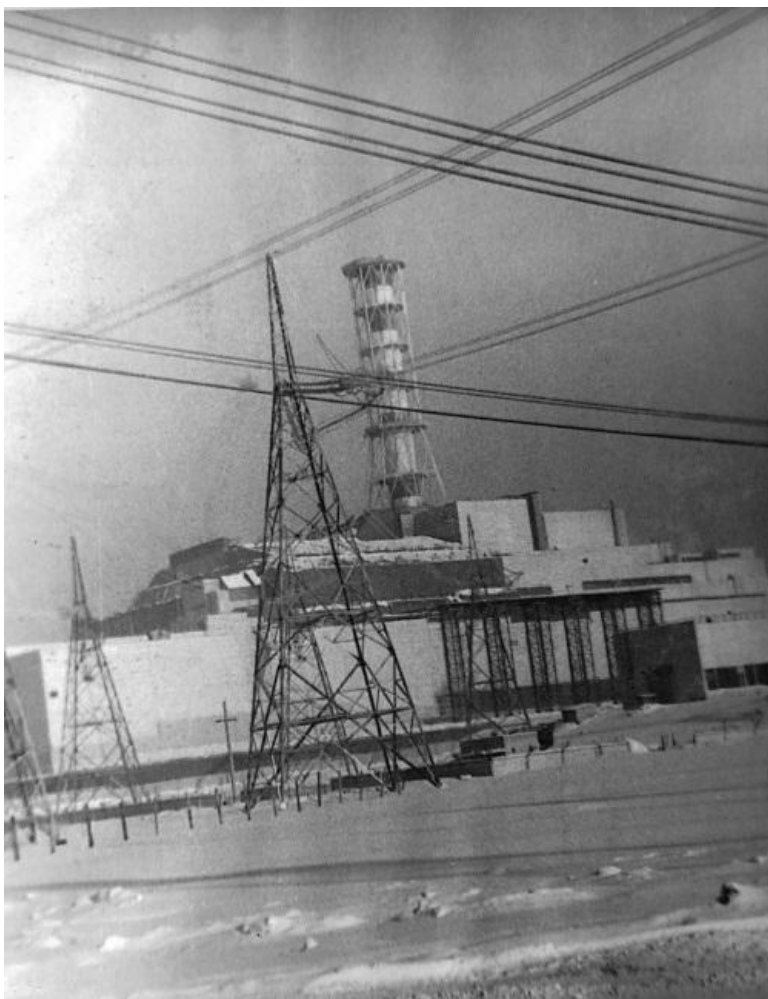

На работе

Дезактивация КАМАЗа в полевых условиях

Четвёртый блок под саркофагом

Дозиметрист проверяет уровень загрязнения на колёсах грузовика

Дезактивация.

